

ПАЛАНТИР

№68

Журнал
ТОЛКИНОВСКОГО
ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

март 2014

В НОМЕРЕ :

Джерард Хайнс.

«Под темным килем земли»: Толкин и геология.
Перевод Марии Семенихиной. 4

Артем Крюков.

Король Хельм, или В центре entrelacement'a. 17

Хельги Липецкий.

Внешний облик айнур (продолжение). 34

Екатерина Лебедева (Кеменкири).

«Падение Дориата»: как это было в «Сильмариллионе». 48

На последней странице - работа **Моргул** «Хурин»

ПАЛАНТИР

№68 март 2014

Palantir®

*Журнал Толкиновского Общества
Санкт-Петербурга*

Этот номер для вас делали:

Золтан Бардинг, Мария Семенихина, Моргул

e-mail: barding@mail.ru twitter: [TolkienSpbRu](https://twitter.com/TolkienSpbRu)

Наш сайт: tolkien.spb.ru

Copyright © 1997-2014 Толкиновское Общество СПб

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества Санкт-Петербурга запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право производить необходимые правки в публикуемых материалах. Просим авторов соблюдать принятое в журнале оформление материалов, учитывая используемые шрифты и кегли, оформление сносок, иллюстраций и таблиц.

Благодарим авторов за сотрудничество с журналом.

Издание журнала не преследует коммерческих целей. Тираж - 100 экземпляров.

Редакция журнала благодарит автора использованных в издании шрифтов
Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниеля Стивена Смита.

«Под темным килем земли»:

Толкин и геология

Джерард Хайнс

(опубликовано в : Tolkien Studies, vol.9,2012,pp.21-36)

Перевод Марии Семенихиной

«О валар, не ведаете вы обо всех чудесах, а там, под темным килем земли, сокрыто много тайн» (*The Book of Lost Tales*, I, p. 214) [Здесь и далее русский перевод приводится по: Дж.Р.Р. Толкин. *История Средиземья. Том I. Книга утраченных сказаний, Часть I / Под ред. К.Р. Толкина; Пер. ТТТ (Tolkien Texts Translation), под общей редакцией С. Таскаевой. – М.: ТТТ, 2000; пагинация оригинала сохранена]. Так Ульмо объясняет Валар строение Земли. Любопытно, как они, приняв непосредственное участие в сотворении мира, могут нечетко представлять себе его форму, однако и сам Толкин не вполне четко представлял себе, как описывать Арду – и в то время (1919 г.), и многие десятилетия спустя (1).*

Генри Джи верно заметил, что нет ничего удивительного в интересе Толкина к наукам о земле, если принимать во внимание его видение собственной профессии: «Я ведь в первую очередь ученый-филолог. Мои интересы были и остаются главным образом научными» (Gee, p. 34; *Letters*, p. 345) [Здесь и далее русский перевод приводится по: Дж.Р.Р. Толкин. *Письма. – М.: ЭКСМО, 2004; пер. С. Лихачевой под ред. А. Хромовой и С. Таскаевой]. Как любой образованный представитель своего поколения, Толкин был знаком как с научным методом, так и с научным мировоззрением и усвоил их до определенной степени. Например, в эссе «О волшебных сказках» Толкин, рассуждая о сохранении древних элементов в сказках, прибегает к геологической метафоре: «Волшебные сказки – никоим образом не маточная порода, из которой ископаемые останки способен добыть разве что профессиональный геолог» (*On Fairy-Stories*, p. 49) [Здесь и далее русский перевод приводится по: Чудовища и критики и другие статьи // Дж.Р.Р. Толкин: *Филологическое наследие. – Т. I. – М., 2006; пер. С. Лихачевой]. Как отмечают в своем комментарии Верлин Флигер и Дуглас А. Андерсон, «сравнение из области геологии здесь и уместно, и намеренно: геология и мифология – науки-сверстницы, возникшие примерно в один и тот же период благодаря стремлению человека докопаться до самых корней» (*On Fairy-Stories*, 106). То же самое, конечно, можно сказать и о филологии. Кроме того, Толкин читал научную фантастику и хорошо осознавал те ожидания, касающиеся непрерывного создания миров, которые она порождала в душах читателей (см. Gee, 23 – 41). Если отгалкиваться от утверждения Толкина о том, что Арда – это наша Земля (*Letters*, p. 220, 239, 283, 376), то появление отсылок к геологии – это черта «ясного осознания того, что в мире все устроено так, как представляется взгляду под солнцем» (*On Fairy-Stories*, p. 65), необходимого основания фантазии с точки зрения Толкина.**

Но научное понимание, а также теории и открытия, на которых оно основано, развиваются и меняются. Важность развития науки, в частности геологии, для толкиновского

«устроения Средиземья» подчеркивалась Карен Уинн Фонстед, Алексом Льюисом и Элизабет Карри, Генри Джи и Кристиной Ларсен (Larsen, *A Little Earth of His Own, Shadow and Flame*) (2). Геология, которую знал Толкин, была ни в коей мере не статичной: при переделках *легендарiums* на него очевидно влияли новые открытия. Имевшим наибольшие перспективы событием в геологической теории двадцатого века стал континентальный дрейф, хотя развитие этой концепции шло на протяжении почти всего времени научной деятельности Толкина, и записи Толкина показывают, что Толкин знал о нем и не остался к нему безразличен (3). И Роберт К. Рейнолдс, и Уильям Сарджент предлагали объяснение топографии Средиземья к концу Третьей Эпохи в терминах тектоники плит, но обе статьи – прежде всего описательные и не затрагивают вопроса о знании Толкином геологии, в частности о свидетельствах континентального дрейфа, развивающихся в черновиках *легендарiums* (4).

Указания на растущую заинтересованность в точных геологических данных и на знакомство с континентальным дрейфом появляются рядом в записях Толкина по мере их продвижения. Хотя в геологии Толкина всегда содержится изрядный элемент катастрофизма, в 1930е годы Толкин начал вводить в нее униформитариантскую основу геологического времени, а также динамическую теорию геологических изменений (5). Основу отношения Толкина к геологическому времени, разумеется, сформировало общее униформитарианское согласие в геологии во второй половине девятнадцатого и первых десятилетиях двадцатого века. Но особый вид, который приобрели геологические изменения в его развивающемся представлении о Средиземье в начальные времена, может отчасти быть следствием революционной на тот момент теории Альфреда Вегенера о континентальном дрейфе. Если вкратце, «континентальный дрейф» представляет собой поперечное движение масс суши по поверхности Земли в ходе геологического времени. Идея континентального дрейфа зародилась еще в 1596 году в третьем издании книги *Thesaurus Geographicus* Абрахама Ортелиа [*фламандский картограф (1527 – 1598)*], где он отмечает симметрию побережий Африки и Америки и дает новое истолкование платоновскому диалогу «Критий» – что в нем Атлантида не затонула, а отодвинулась к западу, и этот катаклизм указывает на разрыв между Старым и Новым Светом (Romm, p. 408). Хотя рассказ Ортелиа имеет несколько сходных моментов с описанием падения Нуменора и удаления Валинора из земной географии у Толкина, нет никаких свидетельств о том, что Толкин про него знал (6). Вместо этого мы должны вернуться к основным работам по теории континентального дрейфа, которые определенно были известны и обсуждались при жизни Толкина.

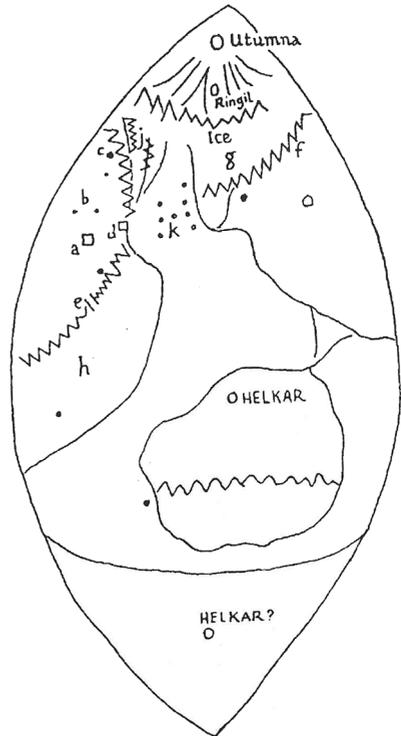
На протяжении восемнадцатого – девятнадцатого веков господствующим объяснением крупномасштабных геологических объектов наподобие горных цепей было то, что Земля, первоначально находившаяся в расплавленном состоянии, постепенно остывает, отчего ее поверхность сморщивается, как кожа яблока (Hallam, p. 110 и далее). Первая современная теория континентального дрейфа (которая автоматически дала бы иное объяснение для этих явлений) была опубликована американским геологом Ф.Б. Тейлором в статье «Возникновение третичного горного пояса на первоначальной поверхности Земли» (“Bearing of the Tertiary Mountain Belt on the Origin of the Earth’s Plan”) в «Бюллетене Американского Геологического общества» (*Geological Society of America Bulletin*) в 1910 году. Немецкий метеоролог Альфред Вегенер разработал собственную независимую теорию континентального дрейфа, опубликованную в 1915 г. в книге *Die Entstehung der Kontinente und Ozeane* («Происхождение континентов и океанов») (английский перевод, *The Origin of Continents and Oceans*, вышел в 1924 г.). Из них двоих Вегенер известен больше. «Таймс» – одна из регулярно читаемых Толкином газет (Scull and Hammond, II, p. 822) – в 1923 г. опубликовала о теории Вегенера неодобрительную статью (7). Впоследствии «Таймс» освещала последнюю роковую арктическую экспедицию Вегенера в 1930 г., а в 1931 г. поместила некролог о Вегенере, в котором был абзац о континентальном дрейфе (8). Поэтому мы будем обращаться к вегенеровской версии этой теории.

Вегенера совершенно не устраивало общепринятое объяснение существования одних и тех же видов флоры и фауны на разных материках – межконтинентальные сухопутные мосты, которые впоследствии затонули (Wegener, p. 5 – 6). Он утверждал, что если бы такие мосты и были, то вытесненная ими вода вызвала бы повышение уровня океана и затопила целые материки, помешав образованию самих этих мостов, на которые опиралась данная теория (Wegener, p. 13). Как и Ортелий, Вегенер заметил симметрию южноамериканского и африканского побережий и предположил, что эти два материка «составляли единый блок, расколовшийся в меловом периоде на две части, которые затем, подобно кускам треснувшей в воде льдины, в течение миллионов лет все дальше отходили друг от друга [*пер. П.Г. Каминского, В.З. Махлина*]» (Wegener, p. 17) (9). Помимо того, что теория Вегенера обходится без ненужных межконтинентальных мостов, ее преимущество в том, что она предлагает надежное альтернативное объяснение формирования горных цепей. Ведущие передние кромки дрейфующих континентов могли сдавливаться и сминаться в складки под действием сопротивления плит, в которые они вдавливались; например, Кордильерская система, тянущаяся от Аляски до Антарктики, могла быть сформирована дрейфом на запад обеих Америк (Wegener, p. 20). Крупным недостатком теории Вегенера было то, что она не объясняла другие силы, кроме движения. В четвертом издании своей работы Вегенер проводит обзор гипотез других теоретиков, которые касаются трения приливных волн, или прецессии земной оси под действием притяжения Солнца и Луны, или же конвекционных процессов в симе (нижний слой земной коры), хотя Вегенер понимал, что допускает слишком большую текучесть внутреннего строения Земли (Wegener, p. 175 – 178). Под конец Вегенер вынужден был признать, что теория не поспевает за наблюдениями:

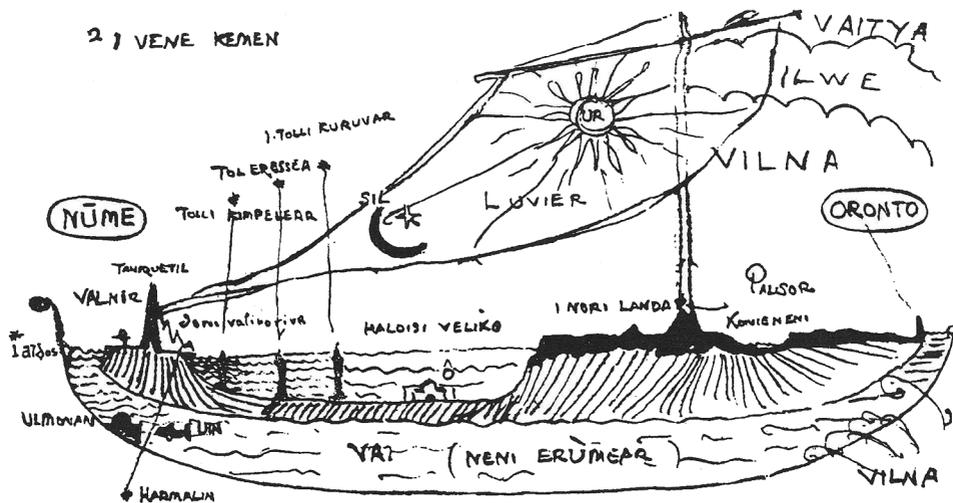
Формулы законов падения тел и движения планет были выведены сначала чисто индуктивным путем посредством наблюдений, и лишь затем пришел Ньютон, который показал, что эти законы выводятся также и индуктивно из формулы общей гравитации... Теория дрейфа пока еще не имеет своего Ньютона [*пер. П.Г. Каминского, В.З. Махлина*]. (Wegener, p. 167)

Трудность с теорией Вегенера была также в том, что при ее принятии от геологов потребовалось бы почти полностью отвергнуть существующее научное согласие, базировавшееся на модели статичной Земли (Kearey and Vine, p. 3 – 7). Хотя реакция на гипотезу Вегенера была в лучшем случае смешанной (Hallam, p. 147), в 1922 г. на международной конференции, посвященной континентальному дрейфу его работа вызвала дискуссию, если не сказать раздор (Dineley, p. 826) (10).

Наиболее ранний (ок. 1919 г.) пример того, что можно было бы назвать тектоническим движением в *легендаризме* Толкина, появляется, когда Оссэ и его прислужники тащат остров, на котором стоят Валар, на запад к Эруману, вслед за потопом, который вызван разрушением

двух светильников (*The Book of Lost Tales*, I, p. 70). Вероятно, этот пассаж связан скорее с «Младшей Эддой» Снорри Стурлуссона (Snorri, p. 29), где великанша Гевьон тащит Зеландию в море [точнее, пропахивает плугом борозду, отделяющую Зеландию от материка] (11), чем с современной геофизикой (12). Это геологическое изменение демонстрирует скорее силу Айнур, чем естественные процессы в Арде. В «Пришествии Валар» Толкин написал, что «такова была Земля в те дни, и не изменилась она с тех пор, кроме как древними трудами валар» (*The Book of Lost Tales*, I, p. 68). Арда тогда понималась как изначально статичная по своим природным законам, хотя и способная к переменам в силу внешнего катастрофического воздействия.

Космология Толкина в этих ранних набросках гораздо более тяготеет к метафорической, аналогической интерпретации мифа. При написании «Книги Утраченных сказаний» Толкин создал и карту Арды, и весьма стилизованную схему I Vene Kemen. Кажется, что самая ранняя карта «Сильмариллиона» планировалась как чисто географическая, а «поспешный набросок» «Воровства Мэлько и Затмения Валинора» написан вокруг нее (*The Book of Lost Tales*, I, p. 82). Ее назначение можно объяснить из контекста. Возможно, Толкин визуализировал расположение Валмара, Двух Деревьев и пути бегства Мэлько друг относительно друга, пока писал свой текст. I Vene Kemen, что, возможно, переводится как «Земля-Корабль» (13), также несет географическую информацию, но, кроме того, помещает Арду внутрь большего творения, включая Солнце, Луну и три слоя воздуха, окружающих мир. В ходе четырехстраничного обсуждения трудностей и вопросов, возникающих при анализе данной схемы, Кристофер Толкин предполагает, что мачта и паруса могут быть позднейшим добавлением к рисунку, и метафора корабля появляется в схеме постфактум, возникнув просто под влиянием напоминающей корабль формы мира (*The Book of Lost Tales*, I, p. 87). Если схема I Vene Kemen может быть мифологизированным изображением космологии, то ее форма – «Земля в разрезе» – довольно современна. Эта схема напоминает геологические профили, которые появляются только в девятнадцатом веке (14). Геологические схемы впервые были придуманы немецким натуралистом и исследователем Александром фон Гумбольдтом (Fara, p. 208 – 209), о котором Толкин, вероятно, знал (Lewis and Currie, p. 19 – 32). Даже на эту раннюю, «мифологическую», стадию толкиновской космологии могла повлиять наука – по крайней мере, традиция научной иллюстрации.

Было изображение мира как корабля на воде спонтанным решением со стороны Толкина или нет, но оно имеет прецедент или возможные источники. Фалес Милетский (ок. 620 – ок. 546 гг. д.н.э.) проводил вполне схожие аналогии. Фалес, один из натурфилософов-досократиков, считал воду первичной субстанцией физического универсума. Аристотель писал: «Фалес – основатель такого рода философии – утверждал, что начало – вода (потому он и заявлял, что земля находится на воде)» (*Метафизика*, 983, b20 – b21). В работе *De Caelo* [*О небе – lat.*] Аристотель приводит теорию Фалеса, но находит в ней ошибку:

Другие полагают, что [Земля] лежит на воде. Это самая древняя теория, которая до нас дошла, – говорят, что ее выставил Фалес Милетский. Она гласит, что Земля остается неподвижной потому, что плавает, как дерево или какое-нибудь другое подобное вещество (ни одному из которых не свойственно по природе покоиться на воздухе, а на воде – свойственно), – как будто о воде, поддерживающей Землю, нельзя сказать того же, что и о Земле («О небе», 294, а29)

Возможно, Аристотель неправильно понял Фалеса (O'Grady, p. 88 – 94), который мог иметь в виду, что на воде скорее плавают отдельные острова и континенты, чем сама Земля. К рисунку Толкина, на котором и континенты, и сам мир выглядят как корабль, подходят оба толкования. Но об образе корабля-Земли заговорил только римский философ Сенека Младший (ок. 4 г. д.н.э. – 65 г. н.э.), что произошло несколько позже:

То, что Фалес предлагает дальше, нелепо. А именно он говорит, что круг земель поддерживается водою и плывет по ней наподобие корабля, и когда говорят, что земля трясется, это она колеблется подвижной водою («О природе», кн. III, гл. 14) [*пер. Т.Ю. Бородай*] (15).

Тем не менее, один досократик космогонии не делает, и нет никакого свидетельства явной связи между I Vene Kemen и Фалесом. Идея Земли, плавающей на воде, сохраняется в «Амбарканте» середины 1930х, но она более не мифологизирована до степени I Vene Kemen: «В пределах этих стен заключена сфера Земли; снизу, сверху и со всех сторон ее окружает Вайя, Всеохватный океан. Но под Землей он более подобен морю, а над Землей – воздуху» (*The Shaping of Middle-earth*, p. 236 [*пер. О. Степашиной*]) [*Здесь и далее русский перевод приводится по: Толкин Дж.Р.Р. Устройство Средиземья (История Средиземья. Том IV). – М.: Elsewhere, 2006; пагинация оригинала сохранена*]. Схемы 1930х гг., однако, менее напоминают живописные метафоры, чем I Vene Kemen, и начинают демонстрировать сильное влияние современных географии и геологии, особенно с внешней стороны.

Димитра Фими показывает, что в толкиновском *легендаризме* в 1930е гг. прослеживается отчетливое переключение с «мифологического» стиля на «романный» или «исторический» (Fimi, p. 3 – 6). Фими объясняет эту смену тем, что Толкин выбирает романский стиль для «Хоббита» и «Падения Нуменора» (Fimi, p.117 – 121, 161), но отмечает, что космология этого периода (например, «Амбарканта») все еще «явно «мифологична» и никоим образом не стремится быть реалистичной» (Fimi, p.124). Это заявление требует некоторых ограничений. «Амбарканта» (подзаголовок – «Очертания мира») действительно знаменует переключение толкиновской космологии с мифической на (предположительно) более историческую и научную. Вероятно, Толкин приводил свою космологию в более приемлемый для современного читателя вид, вводя в текст предположения, базирующиеся на более динамичной, геологически активной модели мира. Когда Толкин озаботился реакцией читателей на мифологизированную астрономию, он, очевидно, также озаботился и тем, чтобы геология Арды была приемлема для читателей с научным мировоззрением (16). Обе карты, сопровождающие данный текст, изображают Землю в особый момент ее истории; различия

между картами IV и V показывают изменения, вызванные первой Битвой Богов, когда Валар разрушили Утumno и заковали в цепи Мэлько (*The Shaping of Middle-earth*, p. 239, 248–251). При этом Валар – больше не единственная сила, способная изменить строение мира. Толкин писал: «И еще раз Земля была изломана во второй битве, когда Мэлько низвергли снова, и неизменно менялась и меняется с ходом и завершением бесцетных эпох» (*The Shaping of Middle-earth*, p. 239 – 240 [пер. О. Степашикиной], курсив мой). Это предложение обозначает едва заметную, но значимую перемену в космологии Толкина. «Амбарканта» датируется примерно тем же временем, в которое Толкин начал писать «Падение Нуменора» (17), и в «Амбарканту» был добавлен материал, относящийся к воздействию этого катаклизма на очертания мира (*The Shaping of Middle-earth*, p. 240, 261). Этот фрагмент особенно явно указывает, что Толкин, даже думая об изменениях, происходящих катастрофически благодаря божественной воле, начал также писать об этих геологических изменениях в униформитарянском духе, как о медленных и регулярных.

В «Совете у Элронда» содержится еще одна отсылка к медленным изменениям в течение геологического времени. Саруман заявил, что Кольцо было унесено рекой Андуин в море, где оно и останется навсегда. Глорфиндэл хватается за это допущение как за способ избавиться от Кольца:

– Тогда бросим Кольцо в морские бездны, и ложь Сарумана станет правдой, – предложил Глорфиндэл. – [...] Что ж, и во лжи часто кроется зерно правды! Море будет надежным хранилищем.

– Надежным, но не вечным, – покачал головой Гэндальф. – Морские глубины обитаемы. И потом, что, если море и суша поменяются местами? Неужели мы будем думать только о себе, о кратком отрезке нашей истории длиной в несколько поколений, пусть даже в целую эпоху, преходящую, как и все в мире? Нет, мы должны положить конец угрозе или хотя бы поставить себе такую цель, если у нас нет надежды на удачу (*The Fellowship of the Ring*, II, ii, p. 349) [Здесь и далее русский текст приводится по: Толкин Дж. Р. Р. Властелин Колец/Пер. М. Каменкович и В. Каррика. – СПб.: Азбука, 1995].

Хотя оба участника диалога по природе бессмертны, Гэндальф смотрит дальше, чем Глорфиндэл, и мыслит в масштабах геологического времени (18). Саурон угрожает всему Средиземью все время его существования, и ответ Гэндальфа соотносится со временем, которое длится эта угроза. Если утверждение о геологических изменениях исходит от персонажа столь авторитетного и с ним соглашаются такие же мудрецы, это значит, что к моменту написания этой сцены (вероятно, конец 1940 – начало 1941 г.) Толкин считал геологическое время установленной особенностью природы Арды.

Написанное Толкином с начала 1930х гг., помимо общего представления о долговременных геологических изменениях, начинает демонстрировать знание автором специфики континентального дрейфа. Как можно видеть из названия статьи 1910 г. Ф.Б. Тейлора, – «Возникновение третичного горного пояса на первоначальной поверхности Земли» – одной из привлекательных черт теории континентального дрейфа было то, что она могла объяснить процесс горообразования и связать его со строением Земли. Канадский геолог Реджинальд Олдворт Дэли (один из ранних сторонников Вегенера) охотно так и поступил в своей работе 1926 г. «Наша подвижная Земля» (*Our Mobile Earth*), поддерживающей теорию континентального дрейфа. Соотношение всего этого с Толкином станет очевидным, если рассмотреть данный фрагмент «Нашей подвижной Земли»:

На исходе палеозойской эры, почти 200 млн лет назад, западно-восточная геосинклиналь Северного полушария значительно углубилась из-за того, что Северный

Полярный свод и Экваториальный свод столкнулись (20). В результате возникла Аппалачско-Гирканская горная система, протянувшаяся с запада Арканзаса через Алабаму, Новую Англию, Ньюфаундленд, Британию и Францию, Германию, Россию и через всю Азию до Китая. Это была колоссальная горная цепь – вероятно, непрерывная на всем своем протяжении (Daly, p. 315 – 316).

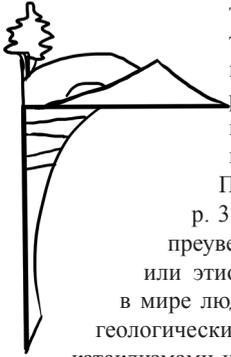
На картах IV и V «Амбарканы» Железные горы, которые воздвиг Мелькор, чтобы укрепиться на севере, показаны как примерно такая же цепь, непрерывно тянущаяся через север Средиземья (*The Shaping of Middle-earth*, p. 235, 239, 248 – 251) (21). В «Сильмариллионе» они описываются как стоящие «на границе царства вечного холода, гигантской дугой пролегла с востока на запад» (*The Silmarillion*, p. 134) (22). Существует странное сходство между тем, как Мелькор, засевший на дальнем севере, громоздит Железные горы, и тем, как Северный Полярный свод воздвигает Аппалачско-Гирканскую горную систему между собой и экватором – что указывает на знакомство Толкина с теориями горообразования в целом, если не с самой работой Дэли в частности (22).

В произведениях Толкина Северный полюс и континентальный дрейф упоминаются вместе не только в этом пассаже. Хотя Генри Джи правильно указывает, что употребление Толкином слова «Гондвана» доказывает его знакомство с теорией континентального дрейфа (Gee, p. 59; *Letters*, p. 409 – 410), но это письмо датируется 1971 годом, когда споры по поводу континентального дрейфа в основном утихли и теория тектоники плит начала становиться общепризнанной [*Слово «Гондвана» (Gondhwanaland) в ироническом контексте присутствует и в письме Кристоферу Толкину от 9 декабря 1943 г.*]. Более интересным является гораздо более раннее упоминание о континентальном дрейфе в письме к детям, которое Толкин написал в 1932 г. от имени Рождественского Деда. Рассказывая о наскальных рисунках в пещере под Северным полюсом, Рождественский Дед пишет:

По словам Пещерного Медведя, эти пещеры принадлежат ему и его семье со времен его пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра (умножьте это на десять) дедушки; и идея украшать стены пришла в головы именно медведям: они выцарапывали картинки там, где камень был мягче, и так точили когти. А потом туда явились ЛЮДИ – можете себе вообразить? Пещерный Медведь сказал, что некогда, давным-давно, люди обитали тут в немалом количестве: *ведь тогда Северный полюс находился в другом месте* (Это случилось задолго до меня, и я ни разу не слышал, чтобы Прадедушка Йуль про это поминал, так что даже я не знаю, правду ли сказал Пещерный Медведь) (Tolkien 2009, p. 78 [*пер. С. Таскаевой*], курсив мой) (24).

Понятно, что Толкин не мог быть уверен в правильности данной теории. Работа Вегенера в английском переводе появилась лишь за восемь лет до этого, и реакция геологического научного сообщества на нее была не всегда положительной (Hallam, p. 143 – 147).

Несмотря на упоминания постепенных геологических изменений, Толкин в своей вымышленной географии отдает дань и катастрофизму, внезапным и яростным потрясениям как противоположности униформитарным медленным и регулярным изменениям (см. Hallam, p. 30 – 64, Lewis and Currie, p. 18 – 32). Хотя разрушение Белерианда, а затем и Нуменора – это геологические явления, но им не дается геологически правдоподобного объяснения. Частично это может объясняться тем, что геологию Толкина надо понимать не как просто геологию, а скорее как геомифологию. Термин «геомифология» придумала Дороти Витально, он означает «применение эвгемеризма в геологии» и истолковывает некоторые мифы и легенды как отражение геологических явлений, свидетелями которых могли стать представители

тех человеческих культур, которым принадлежат эти мифы. Также туда включаются этиологические мифы, т.е. мифы, изобретенные для истолкования различных особенностей окружающей среды (Vitaliano, p. 1). Мифы и легенды Первой и Второй Эпох – это, бесспорно, мифологические, а не исторические источники. Точно так же, вероятно, как Толкин пришел к тому, чтобы рассматривать астромифологию Первой Эпохи как искаженную человеческую традицию (*Morgoth's Ring*, p. 370), и его геомифологию можно понимать как мифологизированные (и преувеличенно катастрофичные) описания реальных геологических явлений или этиологические объяснения современного состояния окружающей среды в мире людей. Теория Вегенера, хотя и по сути униформитаристская, допускает геологические смещения, которые заполняют лауну между мифологизированными катаклизмами и почти неуловимыми изменениями в геологических объектах. В конце концов, в таких катастрофах, как Лиссабонское землетрясение 1755 г. или недавние [*map 2011 г.*] землетрясение и цунами в японском регионе Тохоку (25), повинна именно тектоника плит. Хотя многие геологические явления легендарному можно объяснить буквально в терминах катастрофизма, некоторые из них проще всего трактуются как метафорическое отражение теории Вегенера. В «Амбарканте» Валар пытаются укрепить оборону Валинора, расширив отделяющее его от Средиземья Западное море:

Для пушей защиты валар отодвинули среднюю часть Средиземья подальше и оттеснили ее на восток, так что оно сделалось изогнутым, а великое море Запада посередине разливается весьма широко – шире всех вод земных. [...] Но кроме того, передвижение земной тверди привело также к появлению четырех горных цепей, двух – в Северной земле и двух – в Южной. (*The Shaping of Middle-earth*, p. 239) (26)

Это катастрофа (хотя ее протяженность во времени неизвестна), но ее воздействие на континенты Средиземья такое же, как и у относительно постепенных процессов континентального дрейфа. Даже в опубликованном «Сильмариллионе» есть любопытная фраза: «Это были горы Хитаэглир, Башни Мглы, на границах Эриадора; но в те времена они были еще выше и ужаснее, а воздвиг их Мелькор, чтобы преградить путь Оромэ» (*The Silmarillion*, p. 52) (27). Здесь Толкин показывает свое знание о том, что чем горы выше, тем они моложе – важный геологический принцип, основанный на теории континентального дрейфа, хотя и присутствующий не только в этой конкретной теории.

В письме Х. Коттону Минчину Толкин писал: «При моем интересе к геологии и очень скудных познаниях я не то чтобы вовсе проигнорировал этот аспект, но с этими данными все сложнее – и опаснее!» (*Letters*, p. 248). «Опасность», о которой говорит Толкин, может пониматься двояко. Научные теории слишком легко могут устаревать, оставляя отсылки к ним в текстах Толкина висящими в воздухе, а значит – лишая эти тексты изначально существовавшей в них опоры на факты реальности. Другой «опасностью» может стать искушение подвергать тексты постоянному пересмотру в надежде сделать их не противоречащими науке ценой отказа от изначальной мифологической концепции. Первая разновидность «опасности» – ясное осознание ненадежного положения теории Вегенера – могла стать (вместе с другими подобными соображениями) причиной того, что в текстах упоминания о геологических передвижениях сведены к минимуму и приближаются к метафоре и аналогии. Другая «опасность» причинила Толкину огромные неудобства при попытках увязать создание Солнца и Луны с современной астрономией. Возможно, по этой причине он не стал пытаться делать геологию Средиземья полностью удовлетворяющей принципам униформитаризма. Толкин писал геомифологию (а геомифология тяготеет к катастрофизму), потому что писал мифологию. Вместо того, чтобы втиснуть фэнтези в рамки научной фантастики, Толкин сумел включить в свое произведение, для

обогащения своего «вторичного творения», несколько базовых геологических гипотез, равно как и одну теорию, которая впоследствии восторжествовала. На протяжении 1930х космология Средиземья, возможно, колебалась между мифологическим и историческим путями, но она зиждилась на прочном геологическом фундаменте.

Примечания

(1) Следует отметить, что знания Валар зависят от их партий в Музыке Айнур – и, следовательно, от их знаний о ней. Подробный очерк о напряженной работе Толкина над формой Земли см.: Noad. О наиболее вероятной дате замечания Ульмо см.: Scull and Hammond II, p. 120 – 132.

(2) Кристина Ларсен также убедительно доказала, что Толкин был хорошо знаком с современной астрономией, особенно с теориями образования Луны, что заметно по «Айнулиндалэ» версии С (См.: Larsen, *A Little Earth of His Own*, тж. *Myth, Milky Way*)

(3) От термина «континентальный дрейф» сейчас в основном отказались из-за его ассоциаций с опровергнутыми механизмами тектонического движения. Надеюсь, что геологи и геофизики, если кто-нибудь из них прочтет эту статью, простят употребление устаревшего термина в связи с тем, что он использовался во время литературной деятельности Толкина.

(4) Сарджент полностью отвергает материал «Сильмариллиона». «Напротив, дополнительный материал в последующих томах «Истории Средиземья» нужно рассматривать как эквивалент полевых записей геолога – необработанных и не заслуживающих доверия; так что их можно не брать в расчет. (В любом случае, дополнительная геологическая информация, которую можно там найти, в высшей степени скудна)» (Sarjeant, p. 334).

(5) Катастрофизм – теория, по которой Земля сформировалась в результате внезапных яростных катаклизмов, в то время как униформитаризм – представление в естественных науках, что протекающие в настоящее время природные процессы всегда проходили одинаковым способом и с одинаковой интенсивностью (см. Hallam, p. 30 – 64).

(6) В первой половине двадцатого века об Ортелии вспоминали прежде всего благодаря его вкладу в развитие картографии, как об авторе атласа *Theatrum Orbis Terrarum* [Зрелище круга земного]. Одиннадцатое издание «Энциклопедии Британника» сообщает, что Ортелий «заложил основу критического отношения к античной географии», но не упоминает о его трактовке Атлантиды (*Encyclopaedia Britannica*, vol. XX, p. 331 – 332). Многочисленные геологические объяснения разрушения минойского Крита (основного кандидата на роль исторического прототипа Атлантиды) возникли во второй половине двадцатого века (См. Vitaliano, p. 179 и далее). Знал ли о них Толкин, когда писал о Нуменоре – вопрос, требующий дальнейшего исследования.

(7) *The Times*, февраль 1923 г., p. 8B.

(8) *The Times*, май 1931 г., p. 14F.

(9) Возможно, Вегенер развил свою теорию, наблюдая за плавучими льдами во время одной из своих многочисленных арктических экспедиций.

(10) Эта теория подтвердилась и была в целом принята только в 1960е, с открытием расширения морского дна и развития палеомагнетизма (см. Kearey and Vines, p. 6). С конца 1960х термин «континентальный дрейф» стал заменяться термином «тектоника плит» (см. Searle, p. 158)

(11) Текст, который похожим образом мифологизирует географические особенности.

(12) Современный аналог этого представляет собой плавучий остров капитана Шарда в «Налете на Бомбашарну» (1912) лорда Дансени (Lord Dunsany, p. 364 – 368).

(13) Отдельная помета в записной книжке отсылает к «Карте «Корабля Мира»» (*The Book of Lost Tales*, I, p. 87).

(14) Я не смог найти ни одного средневекового изображения мира «в разрезе». Майкл

Фримен возводит начало изображения геологических профилей к работам Уильяма Смита (1790е) и отмечает, что трехмерные модели в геологии появляются с 1840х гг. (Freeman, p. 122 – 129).

(15). См. тж. кн. VI, гл. 6: «Действием воды объясняли землетрясения многие и объясняли по-разному. Согласно Фалесу Милетскому, вся земля как бы плавает на воде, называя ее как хочешь: Океаном, или Великим морем [...] Так вот, на этих волнах держится земной шар, подобно огромному кораблю, и, как корабль, он тоже вытесняет воду своей тяжестью» [*неп. Т.Ю. Бородай*]. Ни в одном из опубликованных текстов Толкина то, что земля покоится на воде, не связано с землетрясениями, но образ мира-корабля все же подразумевает некоторые ассоциации с движением.

(16) См. затруднения Толкина с «Плоской Землей и астрономически абсурдным творением Солнца и Луны»: «Но вы можете сочинять подобные истории, когда живете среди народа, представляющего мир примерно по такой же схеме – что Солнце «на самом деле» встает на востоке и садится на западе, и т.д. Когда, однако (неважно, насколько мало большинство людей знает и думает об астрономии), общим представлением является, что мы живем на «сферическом» острове в «Космосе», то сочинять такое больше нельзя» (*Morgoth's Ring*, p. 370).

(17) Кристофер Толкин полагает, что «Амбарканта» написана в середине 1930х гг., после «поздних Анналов», но до «Падения Нуменора» (*Lost Road*, p. 9, 108), самое позднее – в 1936 – 1937 гг. (См. Scull and Hammond, II, p. 42 – 43, 283 – 284).

(18) Возможно, Глорфиндэл думает о Сильмарилле, пропавшем в море (*The Silmarillion*, p. 305). Возможно, в его словах содержится непреднамеренная ирония, если вспомнить о том, что кольца, упавшие в море, частенько оказываются в брюхе выловленных рыб («обитаемые морские глубины» во фразе Гэндальфа?). Этот мотив, начинающийся с истории перстня Поликрата, достаточно распространен и классифицируется как сказочный тип 736А (Aarne, p. 253) [*мотив AT 736А по Аарне – Томпсону «Кольцо, найденное во внутренностях рыбы»*]. Толкин мог вычитать его в сказке «Рыба и кольцо» из сборника Джозефа Джейкобса *English Fairy Tales* 1890 г. (Jacobs, p.137 – 140). Также, хотя этот диалог следует за репликой Галдора о том, что «Саурон способен уродовать и уничтожать все, даже горы», Гэндальф связывает изменения морей и земель скорее с течением времени, чем с действиями Саурона. Даже если Толкин и учитывал план развития событий, основанный на фольклоре и мифологии, он подразумевал его геологическое объяснение – хотя и эффе́ктное.

(19) Ср. переживание Фродо в Лориене: «до его слуха донеслось дыхание Великих Морей, шум прибоя у давным-давно исчезнувших берегов и крик морских птиц, каких больше нет в Средиземье» (*The Fellowship of the Ring*, II, vi, p. 460). Толкин попытался изложить полностью историю встречи Гэндальфа с Саруманом и причину его невозвращения в Хоббитон между четвертой и пятой версиями «Совета у Элронда» (*The Treason of Isengard*, p. 130 – 136). Вероятнее всего, замечания Гэндальфа писались одновременно с пятой версией (см. Scull and Hammond, I, p. 241 – 243).

(20) Под «сводами» (domes) Дэли подразумевает то, что впоследствии назовут «плитами».

(21) Железные горы существовали уже в «Книге Утраченных сказаний», но на этой ранней стадии они не слишком отличались от тех гор, что впоследствии будут названы Эред Ветрин (*The Book of Lost Tales*, I, p. 81, 112).

(22) Интересно, что Аппалачско-Гирканская система была разорвана Атлантическим океаном. В Средиземье битвы между Валар и Морготом пробили бреши в нескольких горных хребтах, наиболее заметно – в Синих горах во время Войны Гнева, но также и в Железных (*The Silmarillion*, p. 341 – 342).

(23) Не следует, однако, заявлять, что каждый из горных хребтов в Средиземье должен соответствовать горам нашего первичного мира; например, Туманные горы – это не Альпы. Толкин утверждал: «И хотя я отнюдь не пытался соотносить очертания гор и материков с

тем, что геологи утверждают или предполагают касательно недавнего прошлого, в плане художественного вымысла подразумевается, что эта «история» имеет место быть в некий временной период реального Старого Света нашей планеты» (*Letters*, p. 220) Он заботился, чтобы геология Средиземья была скорее научно возможной, чем исторически точной.

(24) В «Письмах Рождественского Деда» присутствует реальный Северный полюс – см. письмо 1926 года, так что Толкин, должно быть, имел в виду континентальный дрейф, а не смену магнитных полюсов (Tolkien 2009, p. 20). Северный полюс на другой широте также был бы более обитаемым.

(25) Катастрофические как с точки зрения геологии, так и по количеству человеческих жертв.

(26) Кристина Ларсен утверждает, что объяснение происхождения Луны Дж.Г. Дарвином [*сын Ч. Дарвина, астроном и математик (1845 – 1912)*], которое, вероятно, было известно Толкину, способствовало появлению альтернативных катастрофических толкований для некоторых геологических черт, которые в теории Вегенера объяснялись бы иначе (Larsen, *A Little Earth of His Own*, p. 400). Дарвин утверждал, что Луна оторвалась от поверхности Земли после того, как расплавленное вещество юной Земли вздыбилось волной, а его интерпретаторы приписывали последствиям этого катаклизма такие явления, как горные хребты и ложа океанов (*там же*). Толкин, однако, до «Айнулиндалэ» версии С не использует геологической интерпретации происхождения Луны. «Амбарканта», наиболее важный для вегенеровского прочтения Толкина текст, описывает геологические процессы, не прибегая к происхождению Луны.

(27) Это предложение взято из «Анналов Амана», датирующихся 1938 г. (*Morgoth's Ring*, p. 47, 83). Во время написания «Амбарканты» все же слова «Хитаэглир» не было, и в версии «Квенты Сильмариллион» 1937 г. это предложение отсутствует.

Литература

Aarne, Antti. *The Types of the Folktale: A Classification and Bibliography*. 2nd rev. Trans. and enl. Stith Thompson. FF Communications, No.184. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1987.

Anonymous. "The Progress of Science. Are the Continents Drifting Apart? Wegener's Theory." *The Times* (Feb 6 1923): 8B.

Anonymous. "Professor Wegener: Leader of German Arctic Expedition." *The Times* (May 16 1931): 14F.

Aristotle. *The Complete Works of Aristotle*. Revised Oxford Translation. 2 Vols. Ed. Jonathan Barnes. Princeton: Princeton University Press, 1991. [*Русский текст приводится по: Аристотель. Сочинения. В 4 т. М., 1975 – 1983*]

Daly, Reginald Aldworth. *Our Mobile Earth*. New York and London: Charles Scribner's Sons, 1926.

Dineley, D.L. "Plate tectonics: the history of a paradigm."//Hancock, Paul L. and Brian J. Skinner. *The Oxford Companion to the Earth*. – P. 826–827.

The Encyclopaedia Britannica, 11th Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1911.

Lord Dunsany. "The Loot of Bombasharna."//Lord Dunsany, *Time and the Gods*. London: Millennium, 2000.

Fimi, Dimitra. *Tolkien, Race and Cultural History: From Fairies to Hobbits*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009.

Fonstad, Karen Wynn. *The Atlas of Tolkien's Middle-earth*. Rev. Ed. Lon-don: HarperCollins, 1994.

Freeman, Michael. *Victorians and the Prehistoric: Tracks to a Lost World*. New Haven and London: Yale University Press, 2004.

Gee, Henry. *The Science of Middle-earth*. London: Souvenir, 2005.

Hallam, A. *Great Geological Controversies*. Second edition. Oxford: OUP, 1989.

Hancock, Paul L. and Brian J. Skinner. *The Oxford Companion to the Earth*. Oxford: OUP, 2000.

Jacobs, Joseph. *English Fairy Tales and More English Fairy Tales*. Ed. Donald Haase. Santa Barbara, California: ABC-CLIO, 2002.

Kearey, Philip and Frederick J. Vine. *Global Tectonics*. Second edition. Oxford: Blackwell, 1996.

Larsen, Kristine. "'A Little Earth of His Own': Tolkien's Lunar Creation Myths."//*The Ring Goes Ever On:*

Proceedings of the Tolkien 2005 Conference, Vol. 2, ed. Sarah Wells. Coventry: The Tolkien Society, 2008: p. 394-403. (2008a)

Larsen, Kristine. "Shadow and Flame: Myth, Monsters, and Mother Nature in Middle-earth."//*The Mirror Crack'd: Fear and Horror in J.R.R. Tolkien's The Lord of the Rings and its Sources*, ed. Lynn Forest-Hill. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2008: p. 169-196. (2008b)

Larsen, Kristine. "Myth, Milky Way, and the Mysteries of Tolkien's Morwinyon, Telumendil, and Anarimma."//*Tolkien Studies* 7 (2010), p. 197-210.

Lewis, Alex and Elizabeth Currie. *The Uncharted Realms of Tolkien*. West Rhyn: Medea, 2002.

Noad, Charles E. "On the Construction of 'The Silmarillion.'"//*Tolkien's Legendarium: Essays on The History of Middle-earth*, ed. Verlyn Flieger and Carl F. Hostetter. Westport CT and London: Greenwood Press, 2000, p. 31-68.

O'Grady, Patricia F. *Thales of Miletus: The Beginnings of Western Science and Philosophy*. Aldershot: Ashgate, 2002.

Reynolds, Robert C. "The Geomorphology of Middle-earth"//*Swansea Geographer* 12 (1974): 67-71.

Romm, James. "A New Forerunner for Continental Drift."//*Nature* 367, no. 3 (February 1994): 407- 408.

Sarjeant, William Antony Swithin. "The Geology of Middle-earth."//*Proceedings of the J.R.R. Tolkien Centenary Conference* 1992, ed. Patricia Reynolds and Glen Goodknight. Milton Keynes: Tolkien Society; Altadena, CA: Mythopoeic Press, 1995: 334-339.

Scull, Christina and Wayne G. Hammond. *The J.R.R. Tolkien Companion and Guide*. Vol.1 – *Chronology*. Vol. 2 – *Reader's Guide*. London: HarperCollins, 2006.

Searle, Roger. "Continental drift."// Hancock, Paul L. and Brian J. Skinner. *The Oxford Companion to the Earth*. – P. 158-159.

Seneca. *Naturales Questiones*. 2 Vols., trans. Thomas H. Corcoran. London: Heinemann, 1971-1972.

Snorri Sturluson. *The Prose Edda: Tales from Norse Mythology*. Ed. Jean. I. Young. Berkeley, CA: University of California Press, 1964.

Taylor, F.B. "Bearing of the Tertiary Mountain Belt on the Origin of the Earth's Plan." *Geological Society of America Bulletin* 21 (1910): 179-226.

Tolkien, J.R.R. *The Book of Lost Tales*, Part One. Ed. Christopher Tolkien. London: George Allen & Unwin, 1983; Boston: Houghton Mifflin, 1984.

Tolkien, J.R.R. *The Fellowship of the Ring*. Boston: Houghton Mifflin, 1987

Tolkien, J.R.R. *Letters from Father Christmas*. Ed. Baillie Tolkien. London: HarperCollins, 2009.

Tolkien, J.R.R. *The Lost Road and Other Writings*. Ed. Christopher Tolkien. London: Unwin Hyman; Boston: Houghton Mifflin, 1987.

Tolkien, J.R.R. *Morgoth's Ring*. Ed. Christopher Tolkien. London: HarperCollins; Boston: Houghton Mifflin, 1993.

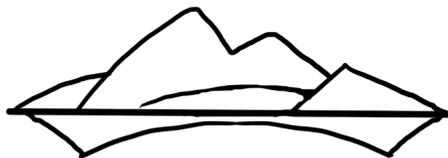
Tolkien, J.R.R. *The Shaping of Middle-earth*. Ed. Christopher Tolkien. London: George Allen & Unwin; Boston: Houghton Mifflin, 1986.

Tolkien, J.R.R. *The Silmarillion*. Ed. Christopher Tolkien. London: HarperCollins, 1999; Boston: Houghton Mifflin, 2001.

Tolkien, J.R.R. *The Treason of Isengard*. Ed. Christopher Tolkien. London: Unwin Hyman; Boston: Houghton Mifflin, 1989

Tolkien On Fairy-stories. Expanded edition, with Commentary and Notes by Verlyn Flieger and Douglas A. Anderson. London: HarperCollins Publishers, 2008.

Wegener, Alfred. *The Origins of Continents and Oceans*, Translated from the fourth revised German edition by John Biram. London: Dover, 1966 [*Русский текст приводится по: Вегенер А. Происхождение континентов и океанов. – М.: Наука, 1984*]

Король Хельм,
или в центре entrelacement'a
Артем Крюков

entrelacement'a - переплетения (фр.).

- Заглавие этой песни называется «ПУГОВКИ ДЛЯ СЮРТУКОВ».
- Вы хотите сказать – песня так называется? – спросила Алиса, стараясь заинтересоваться песней.
- Нет, ты не понимаешь, – ответил нетерпеливо Рыцарь. – Это ЗАГЛАВИЕ так называется. А ПЕСНЯ называется «ДРЕВНИЙ СТАРИЧОК».
- Мне надо было спросить: это У ПЕСНИ такое ЗАГЛАВИЕ? – поправилась Алиса.
- Да нет! ЗАГЛАВИЕ совсем другое. «С ГОРЕМ ПОПОЛАМ!» Но это она только так НАЗЫВАЕТСЯ!
- А песня эта КАКАЯ? – спросила Алиса в полной растерянности.
- Я как раз собирался тебе об этом сказать. «СИДЯЩИЙ НА СТЕНЕ!» Вот такая это песня! Музыка собственного изобретения!

Льюис Кэрролл, «Алиса в Зазеркалье»

Предшествующие герои нашего исследования – Леод (Гарман) и Брего – замечательно иллюстрировали мысль Толкина о лингвистической основе своего вдохновения, высказанную им в письме к Houghton Mifflin Co: “To me a name comes first and the story follows” (1).

Разумеется, это кажется вынужденно обобщённой дефиницией – так как благодаря опубликованным Кристофером черновикам мы знаем, что *выяснение* историй меняло имена и порождало новые. И история Короля Хельма, сына Грама, может: как прекрасно осветить *саморазвитие* Мифа, так и продемонстрировать хорошую лингвистическую основу полотна.

Как мы уже замечали, с этим героем связан занятный парадокс. Так, в сказании о Доме Эорла говорится, что “of the Kings of the Mark between Eorl and Théoden most is said of Helm Hammerhand” (2). Однако лишь повествование о *кончине* героя доносится до нас – о его *жизни* же нам неизвестно почти ничего. Но, возможно, нам стоит взглянуть на этот казус с иной точки зрения. Здесь явно раскрывается параллель с тем «неотступным, пристальным интересом», с коим сага обращается к *кончине* своего *героя*: «... смерть – завершающий момент человеческой карьеры, подводящий итог всей жизни, – должна быть обязательно изображена». Ибо *кончина* завершает историю человека, раскрывая его судьбу и сущность до конца.

Обратимся также к воззрению Тома Шиппи на центральное место, которое занимает образ Рохана в полотне поведанного Мифа. И, сошедши с *птичьего крыла* на *вершину холма*, взглянем, в свой черёд, в это художественное отображение Мидлендса: в его сердцевине мы увидим и услышим архетип короля Защитника, Сына Гнева (3).

Причём *услышим* в буквальном смысле слова. Обратите внимание, насколько текст Мифа насыщен акустическими образами: звучанием *природы* и звуками, порождаемыми Детьми Эру (музыка и пение эльдар, звон колоколов и наковален казад, слава и трубы людей, барабаны дру и орков, крик назгулов) (4). Идентичность всадников вербально отображается звучанием рога, с коим *девиола* визуально сливается фигура Короля Хельма. То есть, разумеется, эта эмблема существовала и до дней Хельма, но впоследствии подверглась переосмыслению – в старый мех влили молодое вино.

Рассмотрение *Vita Helma* мы начнём своеобразно: спустившись на уровень *мышьей норки*, мы приступим к изучению *бычьих костей* (5). И там мы обнаружим образ Хельма в центре весьма замысловатого переплетения нитей, уходящих весьма далеко от его собственной истории. Так *þátr* («прядь»), споспешествующая постижению создания персоны Короля Хельма, завязывается в нарративе конца Эпохи и какое-то время повествует об истории иного героя Средиземья – Эркенбранда Вестфолдского. С этой нити мы и начнём наше расследование.

Итак, когда нить Эркенбранда вплетается в полотно Мира, он является нашему взору под именем *Trumbold* (6). Кристофер замечает, что Дж.Р. на весьма ранней стадии работы над текстом отказывается от этого имени – и, отметим от себя, не применяет его к иному герою своего мифа. Тем не менее, полагаю весьма познавательным уделить ему толику нашего внимания.

Имя *Trumbold* относится к малочастотному (7) типу *прилагательное + прилагательное*. Первый из композитов имени выражает доминирующую поэтическую окраску имени; причём заметим, что эпитет *trum* – имеет широкую вариативность применения: как к вещному так и к духовному мирам. Обратимся к антропоморфным эпитетам, живописавшим качества внешние – ‘крепкий, сильный’ и внутренние – ‘стойкий, верный’. Второй композит имени формирует семантическое ядро сложного имени. В древнеанглийских именах собственных композит *-bald/-bold* (8) имел узус значений ‘твёрдый, храбрый, благородный’ (9). Таким образом, буквальное значение имени – «стойкий храбрец»; метафорическое – «защитник, воин».

Первое, на что обращается наше внимание – это то, что оно повело о телесном и духовном норове своего героя (10). Эркенбранд «высок и могуч», «доблестен» и, на что обращается наше внимание, он разделяет эти черты с Королём Хельмом. Но на втором плане обнаруживается этимологическая связь и с ещё одним героем преданий Марки – первенцем Короля Брего. То есть проявляется чрезвычайно достопримечательная внутренняя традиция индивидуализации через соотнесение с известной личностью из сказаний: Эркенбранда персонализировали через Короля Хельма, а того, в свою очередь, соотносили с Бальдором Злополучным (11).

Первая из перемен имени героя связана с вплетением в текст Мира группы топонимов, объединенных местностью у горы *Tindtorras*, где после поражения у Исенских Бродов укрепился *Трумболд*. И на этом этапе создания гобелена Мифа Дж.Р. выявляет в топонимах *Heorulf's Clough* и *Heorulf's Hold* употребление имени правителя Вестфолда – пока что нынешнего; вследствие чего уже сотворенный текст приводится к вариантам *Herulf > Heorulf*. Имя же *Trumbold* превращается в эпитет и, став основой холста, делается практически неразличимым.

Странно, но Кристофер почему-то не уточняет, что *Heorulf* и *Herulf* – это не варианты написания одного имени (12), а **различные** древнеанглийские имена: это редуцированные формы имён *Heoruwulf* и *Herewulf*. В этих именах различны первые компоненты имени – *heoru-* (13) ‘меч’ и *here-* (14) ‘армия’ – и совпадают вторые компоненты: *-wulf* (15) ‘волк, воин’. Отметим, что прямое значение существительного *wulf* – зооним ‘волк’, но под воздействием оттенков значения сопровождающих основ в нём проявляется семантика, соотносимая с бытием человека-воина, а не животного (16).

И здесь – на подступах к *Herulf's Hold* – в узор вплетается новая тема. Дж.Р. находит, что ущелье и крепость получили название не в честь нынешнего правителя Вестфолда, а его предшественника: «some hero of ancient wars who had made his refuge there» (17). Так зарождается

конечной морфемы *-torr* (во множественном числе); ср. *Bagtor*, *Notter*. Весьма примечательным представляется то, что лексема *-torr* ‘скала, скалистый пик’ – кельтское заимствование (19). Выдвинем гипотезу, что, как и в случае с *Брийской округой*, топонимика *Вестфольда*, или *Дор Хаэрона (Дальнего Края)*, отображает историю миграций народов, его населявших и изъяснявшихся на своих языках.

И действительно, залив *Вестфольдской Долины (The Westfold Vale (20))*, вдававшийся в *Белые Горы (the White Mountains (21))* под горой *Тундморрас*, обретает имя *Deeping Coomb (22)*. А курган, в котором хуорны захоронили останки орков – *Death Down (23) (рис. 2)*.

Благодаря морфеме *-torr (24)* скала, на которой стоит древняя крепость, обрела название *Stanrock (25)*. Обратим внимание, что конечная морфема *-rocc*, так же, как и др.-франк. *roque*, является производной от средневекового латинского (сохранившегося и в современном итальянском) слова *rocca* ‘скала, утёс; крепость на горе’, не обладающего надёжной этимологией, но, возможно, имеющего кельтское происхождение (ср. бретон. *roch*).

Блистательные пещеры, благодаря коим крепость нуменорцев получила название *Агларонд (Aglarond)*, всадникам были известны как *Глемсраву (Glëmscrafu (26))*, как *The Caverns of Helm's Deep* или даже просто *Caves* или *Holes*. Причём лексемы *cavern* и *cave* были заимствованы в среднеанглийский из среднефранцузского и имеют латинское происхождение – соответственно лат. *caverna* ‘яма, пещера. пропасть’ и *cavus* ‘пустой; впадина, пустота’. Составной топоним *Deeping Wall* также включает латинизм (27): др.-англ. *weall* ‘стена из камня или кирпича’ произошло от лат. *vallum* ‘вал’ (28).

Собственно, и германское слово для обозначения *железа *īsar-na-* (29) заимствовано из кельтского. К той же группе топонимов относится и гидроним *Адорн (Adorn)* – так именовалась

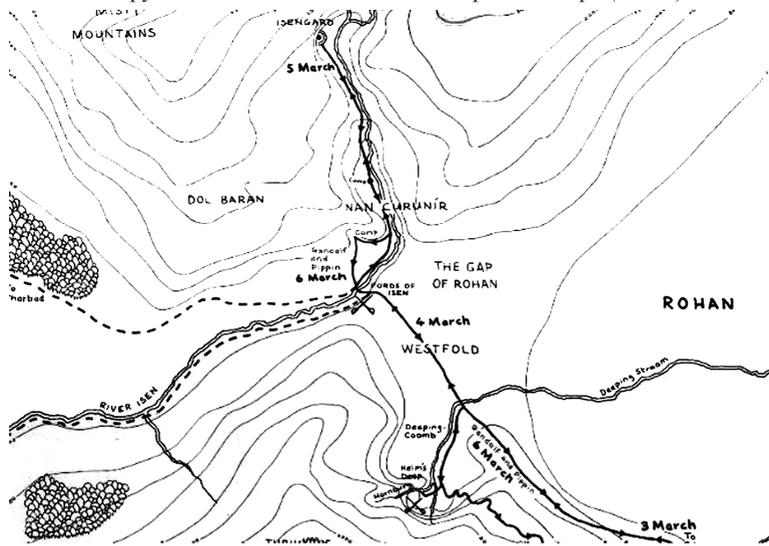

Рис. 3. Река Исен

пограничная речка, стекающая с западного склона горы Трихирн. Единственно чем он отличается – это тем, что Дж.Р. не *перевёл* его.

Завершив сей лингвистический экскурс, воротимся мысленным взглядом к Горе, венчающей рассматриваемый ландшафт, которую в Мифе мы знаем под именем *Thrihyrne*, явившимся сравнительно поздно (30); и, может статься, появление этого имени связано с

названием горы *Starkhorn*. Однако рельеф, сформированный названием *Tindtorras* (буквально *Зубы Скал*), прочно укоренился в полотне Мира (31).

Семантика топонима *Thrihyrne* прозрачна: первый компонент – др.-англ. числительное *þrīe* ‘три’; второй компонент – др.-англ. существительное *horn* (32) ‘рог’; то есть буквально – *Три Рога*. Замечательно, что в древнеанглийском языке наблюдается сложносоставное прилагательное *þri-hyrne* со значениями ‘состоящий из трёх частей, тройной’ (33), ‘с тремя углами, угловатый, треугольный’. В английских же оронимах (названиях возвышенностей) компонент *-horn* приобретает метафорическое значение «сильно выдающейся возвышенности» – см. рис. 1.

Проявившись в Миф, имя *Thrihyrne* меняет топонимическую картину местности. Скала *Stanrock* получает имя *Hornrock*, а крепость на ней – *Hornburg*. Но этот сдвиг наблюдается с *внешней* точки зрения на разрастающийся Миф; изнутри же эти топонимы снискали иное обоснование: “Hornburg it was called, for a trumpet sounded upon the tower echoed in the Deep behind, as if armies long-forgotten were issuing to war from caves beneath the hills” (34), – собственно, этим сигналом Хельм и начинал свои одинокие вылазки в лагерь осаждающих Саутварк врагов.

Прямое и глубокое ущелье, проходящее через фронтон предгорья Тиндторрас с запада на восток к зелёной траве Ущельной долины (*Deeping Coomb*), при своём возникновении заимело эпитет *dim-* ‘скрытый, тайный’; а вот со вторым компонентом возникли проблемы – Дж.Р. колебался между *-graef* ‘могила, траншея’ и *-halh (-health)* (35) ‘потайной/укромный уголок (узкая долина)’. С одной стороны, в топониме *Dimhale (Dimhealh)* закладывается столь лобезный Дж.Р. приём тавтологии, а с другой стороны, компонент *-graef* обыгрывал лингвистическую шутку и обещал рассказать занимательную историю. Морфема *-grave(s)* в английской топонимике неоднократно встречается в названии оронимов – мест, связанных в народном представлении с захоронением либо *большого*, либо *великого* человека (36); в нашем же случае речь идёт об отрицательном рельефе, то есть о незакрытой могиле – ‘траншее’.

Видимо, из топонима *-graef*, как из семени, выросла история правителя (*marcher*), в старые времена державшего здесь оборону от врагов. Таким образом, место эпитета займёт имя правителя, а более меткое *Cloh (Clough)* ‘крутобокая долина, расселина в скале, ущелье’

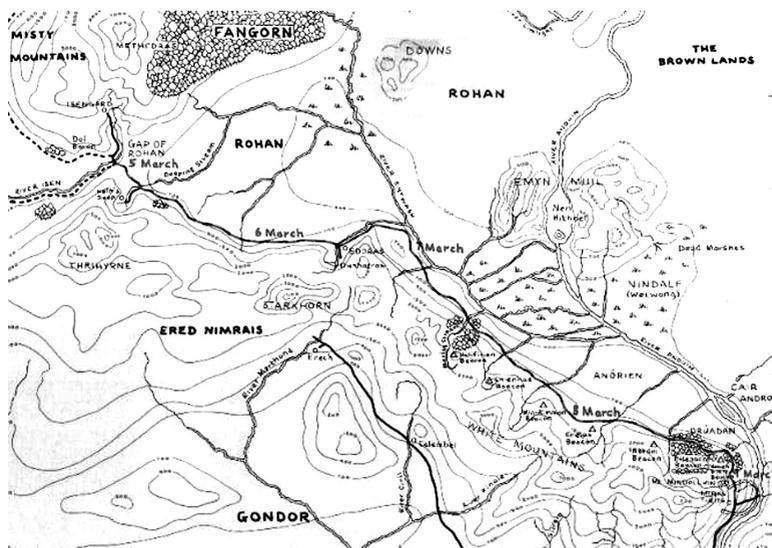

Рис. 4. Рохан и Белые Горы

потеснит *-halh*.

Заметим, что Хельм, как Король Марки, упокоился в кургане под Эдорасом, и найти себе ‘могилу’ в Хорнбурге он мог разве что метафорически. Но в своё время и великий человек будет здесь погребён, а топология долины обогатится оронимом *Hamanhlāw*, где элемент *-hlāw* (вар. *hlāw*, *hlāu*, *hlēw*) выступает синонимом *-graef*.

И может показаться, что эпитет *dim-* не оставит почти никакого следа в рассказанной истории... если бы он не проявился в ином месте. Дунхарроу (*Dūnhaerg*) вмещалось в Мир как *калька* Хорнбурга, лишь постепенно обретая своеобразие. Так, именно здесь потенция эпитета проявится в названии рощицы Димхольт (*Dimholt*) (37).

Но вернёмся к нашей путеводной нити. Итак, когда выясняется что место действия названо не в честь нынешнего правителя Вестфолда, тот обретает имя *Нотхельм* (*Nothelm*).

Известное древнеанглийское имя *Nophelm* (*Nodehelm*) (38) относится к типу *прилагательное + существительное*. Первый компонент имени *nōþ-* ‘безрассудство, бесстрашие’ обновляет связь с именем *Трумболд*; второй же компонент *-helm* (в прямом значении – ‘шлем’, также ‘корона, укрытие’) в поэтическом узусе применяется к людям или к Христу, предположительно в значении «защитник» (39). Таким образом, имя замечательно отображает ту историю своего владельца, которая нам видна; и в тоже время мы можем заметить, что это первое появление имени «Короля Хельма» – пусть пока оно и применяется к иному владельцу.

Рокировка имён двух героев Вестфолда была вызвана, очевидно, сдвигом в развёртывании нарратива: в новой версии, собрав в Хорнбурге всех, кого смог, нынешний правитель Вестфолда выдвигается в свою землю собирать свой рассеянный народ (*helmingas*). То есть истории Короля Хельма и Эркенбранда обретают своеобразие.

Засим «герой древних сказаний» принимает имя Нотхельм – причём оно приходит к односложному варианту «Хельм», первый же компонент оборачивается эпитетом. И, сообразно этой перемене, ущелье, названное в его честь, приобретает имя *Helmshaugh* (40), а крепость – *Helmgate*. И когда топоним обретает имя, история получает толчок в развитии – раскрывая образ *короля, защитника*. А нынешний лорд вновь предстаёт перед альтернативой имён *Heorulf* / *Herulf*, которую Дж.Р. окончательно так и не разрешит.

Кристофер полагает, что основным вариантом всё же было имя *Heorulf*; и это, пожалуй, правильное предположение – учитывая, что в сотканном мифе нынешний правитель Вестфолда именуется *Erkenbrand*. Это имя состоит из прилагательного *eorcan-* ‘драгоценный’ и существительного *-brand* ‘жар, пламя’, ‘факел’, ‘меч (в переносном смысле)’. Мы видим, что в компоненте сложного имени, обозначающего *деятеля*, на место *волка* заступает *мечник*, то есть с развитием истории героя уменьшалась значимость сем, соотносимых с бытием животного, и, соответственно, возрастала роль сем, соотносимых с понятием *человек*. Любопытно, что дорога в противоположном направлении – собиране сем, связанных с понятием *волк* (41) – породит Вульфа (42), сына Фреки, узурпировавшего на протяжении Долгой Зимы престол в Медусельде.

В краткой редакции истории королевского Дома Марки (43) родословная Фреки описана таким образом (44), что это может сформировать наш взгляд на него как на самозванца. Однако такая точка зрения некорректна (45)!

Чтобы понять, что вводит нас в заблуждение, сопоставим рассматриваемое высказывание со стилем диалога Посланника Саурана и Короля-под-Горой Даина. Как подмечает Том Шиппи, в этом диалоге звучит речь саг – в коих за нейтральностью фраз скрывается кипение страстей. Но несовпадение обнаруживается уже на внешнем уровне: фраза отнюдь не нейтральна, она основана на контрасте между *claimed* и *said*. В среднеанглийский *claimen* заимствовано из старофранцузского *claimer/clamer*; этимологически связанного с понятием *крик* и произошедшего от латинского *clāmāre* ‘зывать, кричать’ (ср. греч. *καλέο* ‘зывать, созывать’).

То есть Фрека весьма настырно осведомлял окружающих о своём происхождении, но что его современники справедливо замечали, что предки предками, но важно и то, каков человек *per se* (сам по себе). Здесь просто напрашивается параллель с тем, как Глоин обрывает Бильбо, хвалившегося родством с Бандобрасом Туком: “Yes, yes, but that was long ago. I was talking about you” (46).

С другой же стороны, полагаю уместным привести и слова Геральда Камбрийского: «Более всего прочего на свете валлийцы чтят благородное рождение и происхождение. Они скорее породнятся браком с благородной семьёй, нежели с богатой. Даже обыкновенные люди помнят наизусть семейное древо и могут без труда перечислить своих дедов, прадедов и прапрадедов вплоть до шестого или седьмого колена». Геральд написал это о *Kymry* [валлийцах], но это вполне справедливо и для *Saeson* [англичан] Марки (47).

То есть уже соседи Фреки были осведомлены о его родословной; так же и Хельм должен был знать, был тот его родичем или нет. И, зная характер Хельма, обратим наше внимание на то, что как нам известно, Хельм определил Фреку своим *утаном* и не лишил его этого положения, несмотря на своё личное недоверие к этой персоне или то, что последний исполнял свои обязанности плохо.

Особо обращает на себя внимание сходство социально-экономического и потестарного образа предков Вульфа и потомков Эовора. Эти семьи, являясь ответвлениями королевского рода, оказались ограничены в своих патримониальных правах вследствие прямого наследования королевской власти от отца к сыну. В компенсацию они получали в *кормление* земли, что напоминало бенефициальное пожалование. Они владели *королевской усадьбой (бургом)*, то есть им делегировались прерогативы административно-судебного управления провинции королевства. Отметим, что родоначальники этих фамилий помещались в регионы значимые для королевской власти – старший центр государства или проблемный пограничный регион.

Трагедия происшедшего как раз в том, что кровная вражда пролегла между родичами.

С точки зрения этимологии имя *Freca* очень информативно.

Уже в древнеанглийском лексиконе прилагательное *frec* (вар. *fræc*) ‘жадный, ненасытный’ не относилось к общепотребительным, хотя и было почтенно-древним – восходит к протогерманскому **freakaz*, проистекающему от и.е. **preg-* и имело славную родню в германских языках (см. гот. **friks* ‘жадный’, др.-исл. *frekr* (то же), др.-верх.-нем. *freh* ‘жадный, нетерпеливый’), а также славянских (чеш. *prahnouti* ‘жаждать, желать’, укр. *pragnuti* (то же), польск. *pragnąć* ‘жаждать, желать, домогаться, требовать’). Поэтической лексике (48) слово *freca* известно в значении ‘воин, герой’, а героической поэзии – ‘человек (жесткий, смелый)’. В ср.-англ. слово сохранилось лишь как поэтизм – *frek* ‘наглый, смелый’; а до современности дожило лишь в диалектах – *freik*.

Забавна подмечаемая связь и.е. **preg-* с греч. *σπαργάω*, предположительно происходящей от и.е. *sp(h)er(e)g-*. Наблюдаются параллели между значениями лексемы *σπαργάω* и повествованием и замечаниями о Фреке:

- ‘наполняться [молоком], набухать’ – ср.: “... Freca was wide in the belt” (49);
- ‘бурно разрастаться, входить в силу’ (50) – ср.: “He grew rich and powerful, having wide lands on either side of the Adorn” (51);
- ‘быть обуреваемым желаниями, волноваться, томиться страстью’ – ср. с вспыльчивой натурой рассматриваемой персоны: “Then Freca fell in a rage and reviled the king...” (52).

Обозначим, что наше христианское восприятие *жадности* как негативной черты характера (53) явно не способствует пониманию, как из этого эпитета развились употребления *смельчак* и *герой*. Впрочем, эта тропа не столь уж и заросла. Обратим внимание на коннотацию таких словосочетаний, как ‘жадный до Бога’, ‘жадный до знаний’, и, отталкиваясь от этих значений, повсочетываясь к *ваина*, как ‘жадный до противников (на поле брани)’ (54) – что положительно характеризует *ваина*, или ‘жадный до имений’ – ладный эпитет *правителю*,

ибо эта черта позволяет ему быть щедрым. То есть в старые времена эпитет *жадный* был нейтральным, а положительную или отрицательную коннотацию ему придавал контекст. И антагонизм в именах родичей – Голдвине (55) и Фрека – возникает в глазах *читателя* (56), а не современников героев.

Особо следует отметить, что *англы* уверенно использовали это слово как эпитет *волка*; а их северные соседи пошли ещё дальше, введя в поэтический лексикон deadъективное существительное (57) *freki* ‘волк’. То есть обнаруживается повторяющаяся антропонимическая основа, связанная с понятием *волк* (58), которую можно рассматривать как своеобразный *топон* или родовое имя (59).

Причём эта *северная* параллель тем более важна, что в имени старшего современника Фреки короля Грама отмечено влияние др.-исл. слова *gramr* в значении ‘король, воин’ (60). В прямом же значении др.-исл. лексема *gramr* (61) имеет то же значение, что и др.-англ. *gram* ‘яростный, гневный’. Видимо, в этих антропонимах сказывается интенсификация связей зорлингов с Севером в *Героический век* Марки.

И отметим, сколь хорошо *отчество* Хельма раскрывает его норов, обнаружившийся в истории с Фрекой, произошедшей предположительно в марте 2754 года.

И тут мы коснулись весьма важного *общего вопроса* – формирования у всадников Марки социально-политического института фьефа (феода).

Этогод в свою бытность на Севере находились на стадии сложного *вождества* (*chiefdom*), когда элементы социально стратифицированного общества и государственного строительства только зарождаются.

Так, мы можем у них обнаружить:

– достаточно высокий уровень интеграции и единого лидера – *deoden Éodéod* (пох. *túrac Lohtúr*), объединявшего гражданские и военные функции; причём лидерство закрепляется за определённым родом (62), авторитет коего столь велик, что даже малолетство претендента не становится препоной в преемственности власти (63);

– иерархическую систему принятия решений: сформировался институт *уитангемута*, совета старейшин (*council of Elders*) (64) замещавшего, но не вытеснившего *фолькмут* и решавшего совместно с лидером вопросы войны и мира (65);

– общность культа (языческая вера в «богов» вследствие искажения Знания (66));

– «престижную экономику».

Последний из пунктов требует отдельного рассмотрения.

Соплеменники *добровольно* приносили как почесть лидеру часть своего имущества, выразившегося в скоте или плодах земли – то есть шёл обмен престижа на материальные ценности. Помимо того, *теодену* как *гражданскому правителю* (*rex*) полагалась ещё и часть штрафов за преступления, а как *военному вождю* (*dux*) – определённая часть военной добычи. Однако все эти источники дохода не столько обогащали лидера, сколько служили средством влияния на общество через реципрокации (горизонтальное распределение) и редистрибуции (иерархическое вертикальное распределение), внешним выражением чего являлись, в частности, пиры и дары. И чем большую щедрость проявлял вождь, тем выше был его авторитет (67)

После же Переселения в Каленардон всадники вступают в Средние Века (68), что выражается в процессе потестарно-политической эволюции общества от *варварства* к раннему государству. И в предшествующей статье (69) мы уже присматривались к отдельным элементам этой трансформации общества. Например, подмечали связь между изменением характера королевской власти («король народа» > «король страны») и изменениями в титулатуре властителей: *deoden Éodéod* > *Lord of the Éothéod/King of Calenardhon* > *Marca cuning*.

Разумеется, на протяжении всей Эпохи, то есть и до, и после Переселения, взаимоотношения между *правителем* и его *народом* имели персональный характер. *Подданные*

были прежде всего спутниками и соратниками короля (70). Однако если на Севере *власть* делегировалась вождю народом (*Vox pópuli vox Déi*), то вследствие Клятв, коими обменялись Кирион и Эорл, королевская власть стала восприниматься как установленный Богом институт и как должность/функция/служба (*regale ministerium*). Во всяком случае, такая точка зрения стала распространяться с рецепцией гондорского Знания (*lore*).

Благодаря тому же Дару Кириона Король Каленардона становился верховным собственником земли в государстве, что давало ему право превратить *добровольные* подношения в *обязательную* подать (налог). Впрочем, это вряд ли произошло ранее продолжительного правления Алдора и не изменило *престижный* характер экономики – разве что стали преобладать редистрибутивные механизмы (71). А умножению авторитета Короля, кроме того, пособляли и дары, полученные от Гондора: воинское снаряжение (оружие, броня) и королевские регалии (венец, скипетр).

В то же время в Марке мы наблюдаем и зарождение элементарного аппарата управления – центрального и провинциального, формируемого из родственников правителей, дружины, крупных землевладельцев и людей королевского дворцового хозяйства. А вкуче с ними начинает выделяться из народа и *аристократия* (*ealdorman, eorl*).

Центром государственного управления становится королевский Двор, поскольку он действовал постоянно, в отличие от собраний – фолькмутов или уитангемутов. А в провинциях гражданские и военные функции – суд, исполнение приговоров, сбор налогов и штрафов, формирование и руководство воинскими подразделениями – передавались в руки *лучших людей*, содержавших себя и свои *дружины* за счёт перераспределения государственных доходов (72).

Может статься, что именно социально-экономическое выделение аристократии объясняет странный сдвиг в брачном поведении, зафиксированном в генеалогическом списке Королей Рохана (73).

Как мы обозначили в статье «О Брего...», с созданием Марки у *рохиррим* возобновляется традиционная **для них** демографическая система воспроизводства населения. Ни Долгая Зима, ни смена династий не должны были бы повлиять на демографические процессы – ведь база оставалась неизменной (74). Однако мы обнаруживаем в королевской фамилии отложенную брачность, характеризующую поздним появлением первенцев – приблизительно в 28 лет (± 2 года); причём проявляется она уже в дни Короля Хельма! Скорее всего, здесь обнаруживаются социально-культурные изменения не всего общества, а лишь одной из страт населения. Таковая стратегия поведения обуславливается патрилинейным характером наследования – то есть, сокращая количество наследников, представители этой страты увеличивали долю каждого из наследников. Разумеется, для королевской фамилии это было не столь актуально, но в своей брачной политике они не могли не ориентироваться на своё окружение.

Следует обратить наше внимание на то, что история короля Хельма *созрывает* в едином русле с эпосом о Вальтере Аквитанском и легендой о *вечной битве* (*Hjaldningavíg*).

До наших дней от популярной в своё время англосаксонской редакции поэмы *Waldere* – предположительно восходящей к готской героической песне – сохранилось всего два листа; но благодаря латинскому варианту поэмы Экхарта Старшего о «Вальтари, мощном дланью» (75) (*Waltarius manu fortis*) мы довольно хорошо представляем себе ход событий. Что позволяет нам обнаружить как сходство, так и своеобразие мифа, *применённого* в *Gesta Helma*:

– как и в *Þidreks saga af Bern* (Сage о Тидреке Бернском), конфликт разгорается из-за брака Хильд;

– единоборство Вальтера с дружинниками бургундского короля Гуннара Гьюкунга оборачивается ночными вылазками Хельма, когда он голыми руками убивает своих врагов (76);

– сестра короля, от сына коей возрождается династия Эорлинггов, обретает своё имя под

воздействием образов Хильдегунды и Хильд (77).

Таким образом, история Хельма – это классическая мифологема смерти/воскрешения: не случайно и имя родоначальника Второй Династии отсылает нас к *Золотому Веку* Марки (78). Однако история эта оказывается драматически несовершенной – очевидно, в небольшой степени именно благодаря тому ужасу, что Хельм поселил в сердцах дунлендингов, они верили лжи Сарумана о том, что “... the men of Rohan were cruel and burned their captives alive” (79). И лишь милосердие Эркиенбранда (80), возможно, завершит её.

Литература

1. Tolkien, J.R.R. *The Lord of the Rings* (электронный англ. текст).
2. Tolkien, J.R.R. *The Hobbit* (электронный англ. текст).
3. Tolkien, J.R.R. *The People of Middle Earth (The History of Middle Earth. Series 12)* (электронный англ. текст).
4. Tolkien, J.R.R. *The Rivers and Beacon-hills of Gondor* (электронный англ. текст).
5. Tolkien, J.R.R. *The Treason of Isengard (The History of Middle Earth. Series 07)* (электронный англ. текст).
6. Tolkien, J.R.R. *The War of the Ring (The History of Middle Earth. Series 08)* (электронный англ. текст).
7. *Pictures by J.R.R. Tolkien* (электронный англ. текст).
8. Толкин Дж.Р.Р. Oferrnod/ Пер. и комм. (электронный текст)
9. Толкин Дж.Р.Р. Английский и валлийский/Пер. П. Иосада//Чудовища и критики и другие статьи (Дж.Р.Р. Толкин: Филологическое наследие. – Т. I). – Elsewhere, 2006. – С. 162 – 197.
10. Толкин Дж.Р.Р. Неоконченные предания Нуменора и Средиземья/Издано при участии неформального творческого объединения ТТТ, 2002.
11. Толкин Дж.Р.Р. Филология: общие труды (1924)/ Пер. и комм. С. Зоновой//Чосер как филолог и другие статьи (Дж.Р.Р. Толкин: Филологическое наследие. – Т. II). – Elsewhere, 2010. – С. 96 – 149.
12. *A Handbook of Germanic Etymology* by Vladimir Orel. – Leiden, Koninklijke Brill NV, 2003.
13. *An Anglo-Saxon Dictionary, Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth*; edited and enlarged by T. Northcote Toller http://www.ling.upenn.edu/~kurisuto/germanic/oe_bosworthtoller_about.html
14. Hooker, M.T. *A Tolkienian Mathomium: A Collection of Articles on J.R.R. Tolkien and His Legendarium*. – Llyfrawr, 2006.
15. Алпатов В.В. Метафорические оронимы Вестморленда// Вестник МГПУ. Журнал Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – №1 (3), 2009. – С. 45 – 49.
16. Васютин С.А. Основные этапы трансформации политических структур «дофеодальных варварских обществ» в эпоху Великого переселения народов и раннее Средневековье//Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени – Вып. 68(4) / Отв. ред. П.Ю. Уваров. – М.: Наука, 2007.
17. Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время [монография] // Отв. ред. Т.П. Гусарова. – М.: КДУ, 2011.
18. Грошева А.В. Латинская земледельческая лексика на индоевропейском фоне/ Отв. ред. Н.Н. Казанский. – СПб.: Наука, 2009.

19. Гуревич А.Я. Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. (Серия «Письмена времени»)
20. Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. – СПб.: Александрия, 2009. (Серия «Становление Европы»)
21. Кузьменко Ю.К. Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика/ Отв. редактор Н.Н. Казанский. – СПб.: Нестор-История, 2011.
22. Ливи Баччи М. Демографическая история Европы/Пер. с итал. А. Миролубовой. – СПб.: Александрия, 2010. (Серия «Становление Европы»)
23. Свердлов М.Б. Корм-кормление: становление феодального социально-политического института на Руси IX–XIII вв.//Studia Humanistica 1996: Исследования по истории и филологии. – СПб: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996.
24. Смирницкий А.И. Древнеанглийский язык. – М., 1998.
25. Топорова Т.В. Имя собственное как указатель ипостасно-персонажной преемственности//Индоевропейское языкознание и классическая филология – VIII (Чтения памяти И.М. Тронского) / Отв. редактор Н.Н. Казанский. – СПб., 2004.
26. Туганбаев Д. (Thaliorne), Скуратовская-Туганбаева М. (Tern) Этимологический словарь-справочник имён собственных из книг Дж.Р.Р.Толкина (Версия 1.14 от 3 августа 2010) <http://www.diar.ru/diar/etymology.htm>
27. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка (электронный текст).
28. Хукер М.Т. Толкин русскими глазами/ Пер. А. Хананашвили; ред. С. Лихачева, Н. Семенова. – М., 2003 (Серия «Tolkienistica Rossica Magna»).
29. Чурсина И.С. Развитие антропонимикона английского языка (морфонологический и социокультурный аспекты): Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (2002) <http://31f.ru/dissertation/35-dissertaciya-chast-1-iz-2-razvitiie-antropnimikona-anglijskogo-yazyka-morfonologicheskij-i-sociokulturnyj-aspekty.html>
30. Шиппи Т.А. Дорога в Средьземелье/Пер. М. Каменкович. – СПб.: ООО «Лимбус Пресс», 2003.

Примечания

- (1) «Вначале ко мне приходят имена, и [за ними] следуют истории».
- (2) «Из Королей Марки от Эорла до Теодена больше всего говорят о Хельме Молоторуком [Каменнопястом]». Буквальный перевод прозвища *Hammerhand* – «Молот(ок) + кисть (руки)». Однако *Молотокистый* звучит не очень хорошо, и я предпочитаю вместо слова *кисть* использовать синоним *пясть* (каковая замена также создаёт аллюзию на польскую королевскую династию). По поводу же первого компонента прозвища обратим внимание на подмеченную Т. Шиппи связь англ. лексемы *hammer* и ст.-слав. *камы* (камень, скала) – я полагаю, что эту связь неплохо было бы подчеркнуть, учитывая связь *τόπος* и *gesta* героя с мифологической символикой *камня* (коей мы коснёмся ниже в этой статье).
- (3) Дословный перевод имени и отчества Хельма Грамсона.
- (4) См. также замечание Дж.Р. о том, что его книги следует читать вслух.
- (5) То есть к изданной Кристофером *Истории Средьземелья* (*The History of Middle Earth*).
- (6) Быть может, оно появляется как аллитерация к топониму *Tindtorras* (гора *Thrihyrne* (Трихирн) в LotR).

(7) Имена, образованные по этой модели (прилагательное + прилагательное), в древнеанглийской антропонимике составляли приблизительно 4,7% от общего количества имен.

(8) Этот компонент обнаруживается в роханском имени *Grimbold*. С точки зрения текстологии этот герой Марки, «воспитанный в традициях Вестфольда», с одной стороны, появляется как одна из ипостасей *Trumbold*, а с другой стороны – является антитезой другому герою, *Grima the Wormtongue*. Дело в том, что довольно высока вероятность того, что *Grimbold* из *Grimslade* и *Grima* сын *Gálmód'a* были родственниками.

(9) В «Этимологическом словаре-справочнике имён собственных из книг Дж.Р.Р. Толкина» Д. Туганбаева и М. Скуратовской-Туганбаевой композит *-bold* интерпретируется как существительное – ‘дом, здание, строение’ (или ‘большой дом, чертог, дворец, замок, храм’). Однако представляется, что это ошибочное предположение: мы ведь имеем дело с антропонимом, а не с топонимом (или фамилией, образованной из топонима).

(10) Заметим, что это др.-англ. имя имеет хождение и в нынешней Англии (см. *Trumbald*) и его смысл – ‘сильный, смелый’ – должен быть достаточно ясен.

(11) С текстологической же точки зрения прообраз «Эркенбранда» порождает семена, из которых произрастают образы Хельма и Бальдора.

(12) Если предполагать, что здесь наблюдается частичная велярная перегласовка (велярный умлаут) *e > eo* под воздействием последующего гласного заднего ряда (ср. *heofon* из более старого *hefon* – ‘небо’). Но в рассматриваемом случае это неверно.

(13) Этот компонент обнаруживается в роханском имени *Herubrand*, одного из *gedryht* (войска) короля Теодена (“*Herefara and Herubrand, Horn and Fastred*” – см. окончание главы “*The Battle of the Pelennor Fields*”), и в названии меча последнего – *Herugrim*.

(14) Этот компонент обнаруживается в роханских именах *Herefara* – одного из *gedryht* короля Теодена (см. выше) – и *Dúnhere* (в LotR обнаруживаются два современника, носящих это имя; см., напр., в вышеуказанном фрагменте: “*Dúnhere and Déorwine, doughty Grimbold*”).

(15) Любопытно, что компонент *-wulf* с усечением маргинального /w/ влетает в антропонимикон Рохана. Мы встречаем его в имени *Garulf* < *Gärwulf* – всадника из зорета Эомера.

(16) Следует обратить внимание, что с переменной имени правителя Вестфолда на *Neoruwulf/Herewulf* в тексте возникло любопытное ономастическое противопоставление “the wolves of Saruman”.

(17) «некоего героя древних войн, кто сотворил себе убежище там».

(18) Ср. с развитием образа Арагорна.

(19) Забавно, что и др.-англ. лексема *tind-* возводится к общегерманскому существительному **tendaz*, произошедшему от др.-кельт. *dind* ‘холм’.

(20) Широкая плоская долина, где между возносящимися более или менее параллельно отрогами Белых и Туманных Гор протекала речка *Deeping Stream*. Так на своей западной границе была известна *Вестфольдская равнина*.

(21) Любопытно, что в английском эта лексема, обозначающая ‘гора, возвышенность’, инкорпорировалась дважды. Ещё в IX веке в древнеанглийских текстах встречается французское слово *mūnt*, происходящее от лат. *mons, montis* ‘гора’. Среднеанглийский же язык заимствовал англо-нормандское слово *mountain*, развившееся из простонародного лат. **montānea* – ж.р. от **montāneus*, искажённого лат. *montāna, -ōrum* ‘гористые места, горные области, нагорья’. В лат. *mons* (**mons*) ‘гора’, авест. *matī* ‘предгорье’, др.-брет. *monid*, брет. *menez* и других кельтских формах обнаруживается и.-е. основа: **m(e)n-^h* – а связь лат. *mōns* с глаголом *ēmineō* ‘выдаваться, выступать, торчать’ была отмечена ещё Исидором Севильским.

(22) Др.-англ. *cumb* происходит от др.-кельт. *kumb* ‘долина’; ср. с названием брийской деревни – *Комб* (*Combe*).

(23) Др.-англ. ороним *dūn* ‘холм; низкая, безлесная возвышенность’ имеет кельтские корни. Непонятно, почему об этом не упоминает Марк Т. Хукер в своей статье «Лингвистический пейзаж Брийской округи»; тем более, что совсем рядом находятся *Barrow Downs* и *South Downs*!

(24) Др.-англ. лексема *stán-rocc* ‘высокая скала, пик; обелиск’ (букв. ‘каменная скала’) выступала как синоним *torra*. Обратим здесь наше внимание на *северный* космогонический миф о сотворении мира из тела великана Имира: плоть стала землей, кровь – морем, а из костей сложились горы. На *низком* (бытовом) уровне древнеанглийского мифологического сознания символизм *горы* передавался в оронимах более конкретным и менее обожествлённым апеллятивом *stān* ‘камень’. Ср. с гондорской провинциальной легендой о возведении Белых Гор в «древние времена» великанами. В этом контексте также интересно взглянуть на рассказ Бильбо о *каменных великанах*, увиденных им в Туманных Горах. Похоже, здесь мы прикасаемся к мифологеме, широко распространённой в Средиземье.

(25) Вначале скала получает имя *Heorulf's Hoe*. Второй компонент полилексемного топонима – *hoe* – происходит от др.-англ. *hoh* ‘пятка (используется в топонимах)’. То есть ороним был семантически мотивированным; см.: “Where it issued in the vale, upon an outjutting heel of land, was built the fastness of Heorulf's Hoe” («Где он (утёс) выходил в долину, на выступающей пятке земли была возведена крепость Пята Хеорульфа»). Но Дж.Р. тот час же изменяет это название на *Stanrock*.

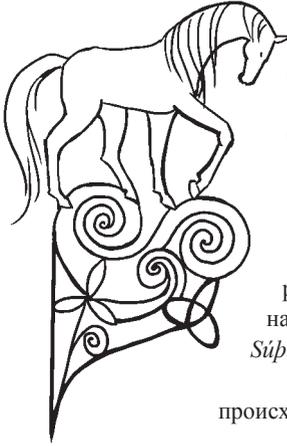
(26) Это буквальный перевод гондорского топонима «Сияющие Пещеры».

(27) Здесь мы поставлены перед необходимостью прикоснуться к вопросу о латинских заимствованиях в ономастике и, если взглянуть с более широкой перспективы, также и на сопутствующую романскую проблему.

Как известно, эквивалентами латыни и греческого в Средиземье служили языки эльдар. И Дж.Р. приложил немалые усилия по замене имён, имеющих *классическое* происхождение, кельтским либо германским материалом. Впрочем, Дж.Р., несомненно, осознавал, что полностью вычленив *классический* материал невозможно – это подвиг, достойный барона Мюнхгаузена (или если бы Дж.Р. осуществил своё желание записать Миф на том языке, на котором он должен был бы прозвучать... то есть на *Sóval Phârë*). Тем не менее, мы наблюдаем в Мифе некоторое (малое) количество *латинских* имён, а ещё и приметное число *романских*. Так какая же роль в языковой картине Мира отводилась *латыни*?

Приложение F.П «О переводе» этой проблемы не касается. Поэтому предлагаю обратиться к прочитанной Дж.Р. 21 октября 1955 года О’Доннелловской лекции «Английский и валлийский». В ней Дж.Р. отмечает, что «принесённое англичанами слово *walh, wealth* [‘чужестранец, кельт в Британии, римлянин, слуга’]... – это отчасти и языковедческое суждение, отражающее сходство «стиля» латыни и галло-бритского...»; близость языков по возрасту, а также по фонетической и морфологической структуре. Таким образом, можно предположить, что латинские корни в Средиземье отражают язык народа *южан*, некогда обитавшего по соседству с предками дунлендингов. После Великой Чумы их потомки обитали на побережье Минхириата и Энедвайта. Каково соображение позволяет по-новому взглянуть на упоминание Дж.Р. в позднем эссе о том, что во время создания LotR имя Гендальфа Инканус, под которым он был известен на Юге, происходило от лат. *incanus* ‘седовласый’.

Подметим, что в Приложении II к главе «Битвы у бродов Изена» («Неоконченные предания») уточняется, что эти племена «дикарей» по языку и облику были родственны друэдайн лесов Анориена. Однако эта заметка противоречит тому что о расселении *друхов* говорится в иных местах – Приложении D «Гавань Лонд-Даэр», главе «Друэдайн» и в эссе о реках Гондора. Видимо, эта атрибуция ошибочна.

(28) В LotR обнаруживается ещё несколько полилексемных топонимов содержащих компонент *wall*: *Mountain Wall*; *Walls of Moria*; *East Wall of Rohan*; *City Wall*. И это достаточно странно! Разумеется, убрать лексемные заимствования из нарративного текста невозможно, да и не нужно. Но в конкретном случае Дж.Р. мог легко уйти от латинизма в названии воспользовавшись, например, др.-англ. словом (*ge*)*weorc* ‘земляное укрепление или форт’; см. *Basingwerk*, *Southwark*.

N.B.: урбаноним Саутуарк (Саутварк) встречается в чосеровских «Кентерберийских рассказах»! И, кроме того, он заставляет нас вспомнить о первоначальном названии крепости Хорнбурга – *Sūþburg* «Южная Крепость».

(29) От него происходит др.-англ. лексема *īsern*, *īren*, от которого происходит и название реки Исен (*Isen*); ср. с галл. гидронимом *Isarno-*.

(30) Например, и при работе над главой “The Taming of Smeagol” всё ещё звучит название *Tindtorras*; также и на Первой Карте на участке IV (E) находим *Tindtorras*.

(31) См.: “... the last shafts of light kindled the steep faces of the **peaks** of Thrihyrne: now very near they stood on the northernmost arm of the White Mountains, three **jagged horns** staring at the sunset”. («... последние лучи света воспламеняли отвесные склоны **пиков** Трихирна: три **зубчатых** рога зияли на закате, [со]возносясь очень близко на самом северном отроге Белых Гор») (Е)

Что характерно, описание Старкхорна следует тому же топосу: “Away to the right at the head of the great dale the mighty Starkhorn loomed up above its vast buttresses swathed in cloud; but its **jagged peak**, clothed in everlasting snow, gleamed far above the world, blue-shadowed upon the East, red-stained by the sunset in the West”. («Вдали справа во главе великой долины могучий Старкхорн вырисовывался над своим обширным основанием, укутанным облаком; но его **зубчатый пик**, постоянно одетый в снега, мерцал над миром, синий на затенённом Востоке, красноокрашенный закатом на Западе»)

Любопытно взглянуть на это вполне *естественное* описание с точки зрения эмблематичности. Старкхорн делит геральдическое поле Рохана на области: к западу от него – *червлёное поле* Вестмарка, а на восток – Королевские земли (наложение *золотого поля* Теодена на *зелёное поле* Марки).

(32) Этот компонент обнаруживается в роханском имени *Horn* – одного из *gedryht* короля Теодена (*Herefara and Herubrand*, *Horn and Fastred*) (“The Battle of the Pelennor Fields”).

(33) Ср. с ширским оронимом *Three-farthing Stone*.

(34) «Её [крепость] именовали Хорнбург, так как звук трубы, звучащей с башни, отражался от Ущелья за ней – будто давно позабытое воинство изливалось на рать от пещер под холмами».

(35) Та же лексема используется и в названии деревни в Восточной Чети – *Woodhall* (букв. – Лесная Теснинка). Следует особо подчеркнуть, что второй корень в этом хоббичьем топониме происходит вовсе не от значения ‘чертог, зала; дом’, как в *Wellinghall*.

Причём вполне возможно, что эта лингвистическая переключка не случайна и *Woodhall* является одним из литературных прародителей *Helm’s Deep*, а лексема *-graef* отсылает нас к курганам *Barrow-downs*. Впрочем, учитывая *художественное родство* топонимических ландшафтов Шира и Марки, здесь сложно что-либо утверждать...

(36) Ср. с названиями курганов: *Giant’s Grave(s)* «Могила(ы) Великана(ов)» или *Adam’s Grave* «Могила Адама».

(37) Роша у входа в Тёмную Дверь (*Dark Door*). См. также прим. 35.

(38) Святой Нотхельм был одиннадцатым архиепископом Кентерберийским.

(39) См. замечание Дж.Р.: «Почему в статье *helm* [шлем, вершина, холм, укрытие, хлев] столь решительно утверждается, что изначальным значением этого слова является только ‘шлем’ и все другие употребления происходят от него? Ведь, кажется, между шлемом и хлевом расстояние не маленькое, хотя и не столь уж долгое, если идти от первоначального значения (основанного на этимологических взаимосвязях): «защитное укрытие, особенно над головой».

(40) Где второй компонент омонима *-haugh* происходит из северо-диалектного и шотландского развития др.-англ. лексемы *-halh*. То есть Дж.Р. возвращается к истокам образа и возрождает в нём начальную линию, связанную с именем *Dimhale*.

(41) Животное, хищник, захватчик и защитник, а также – агрессия, сила, ловкость и гибкость.

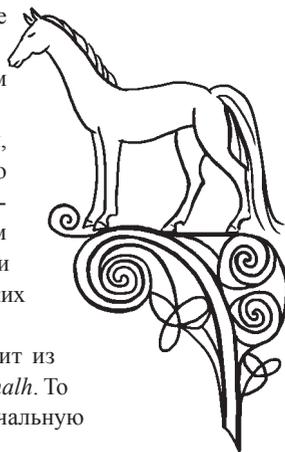
(42) Интересные связи прослеживаются у этого героя и его рода с его тёзками: легендарным королём англов Оффой (пращур мерсийских королей) и королём восточных англов Вуффой (родоначальником Вуффингов). *Offa (Uffa)* и *Wuffa (Puffa)* – уменьшительные формы имени *Wulf*; то есть буквально означают *Волчок*.

В юности Оффа был нем (или изображал безмолвие), и его отец, – король англов Вермунд – дабы упрочить положение своего ограниченного сына, задумал женить его на дочери Фреавине, правителя Шлезвига (короли Уэссекса возвели к нему свою родословную). Вермунд и Фреавине были связаны дружбой, и король предполагал, что после его смерти тот поможет Оффе править страной. Однако случилось так, что Фреавине погиб, и уже старому королю англов довелось позаботиться о сыновьях павшего. Кет и Виг отомстили за отца, но тем самым и нанесли урон чести англов, которую пристало восстановить Оффе, вызвавшему на бой двух мьюрингов – наследника их короля и лучшего воина. Каковой поединок воспевается, например, в *туле* «Видсида». Также Оффа упоминается в «Беовульфе» как сын Гармунда (sic!) и отец Эомера.

Вуффа же, сын Веххи (*Pehha*), был то ли первым (по сообщению Беды), то ли вторым (по сообщению Ненния) королём восточных англов. Примечательно, что как раз в 1948 году, то есть тогда когда Дж.Р. вчерне закончил LotR и начал работать над Примечаниями, Соне Линдквист, сравнивая находки в Саттон-Ху с уппсальскими археологическими материалами, выдвинул гипотезу о шведском происхождении династии Вуффингов, возводя их происхождение к Виглафу (скильдингу и родичу Беовульфа). То есть имя *Pehha*, возможно, является гипокористической формой от *Wihstān* (имя отца Виглафа). Выдвигались и иные предположения; например, о гаутском происхождении династии Вуффингов – от Хродмунда, сына Хродгара. Но в целом исследователи сходились в мысли о происхождении династии от некой древней королевской линии.

Таким образом, имя *Вульф* отменно подходит королям англов, и тем более живущим в Марке (Мерсии) (вспомним великого короля Оффу, сына Тингфрита и внука Энвульфа). И, как точно подметил позднее историк Мартин Карвер о короле Вуффе, его «лучше всего воспринимать как символическую фигуру – персонификацию королевского мифа происхождения».

То есть с точки зрения *внешней истории* Вульф, сын Фреки, действительно мог быть потомком короля Фреавине!

(43) См. в LotR Приложение II “The House of Eorl”.

(44) “There was at that time a man named Freca, who claimed descent from King Fréawine, though he had, men said, much Dunlendish blood, and was dark-haired” («Жил в дни [Короля Хельма] человек, прозывавшийся Фрека, кто оглашал [своё] родословие от Короля Фреавине; но он был темноволос, и люди говорили, что в нём было много крови Дунлендингов»).

(45) В рассматриваемом обществе не сложились ещё предпосылки к появлению феномена самозванства. Они появятся позднее – после Долгой Зимы, когда пресечётся династия, а многие из социальных и личных связей общества будут разорваны.

(46) «Да, да, но это было давно. А я говорю о тебе».

(47) См., что Дж.Р. в О’Доннелловской лекции «Английский и валлийский» писал о Мифе отличия валлийцев и англичан.

(48) Использование *эпитетов* в имятворчестве является одним из наиболее часто применяемых поэтических средств.

(49) «... Фрека был широк в поясе». Особый шарм ситуации придаёт то, что LotR позиционируется как перевод *Красной Книги*, а для хоббитов склонность к полноте вовсе не оскорбительна, а вполне почтенна: ср. с фамилией *Bracegirdle*.

(50) Ср. у Плутарха: *ὀλιγαρχία σπαρῶσα* (набирающая силы олигархия).

(51) «Благодаря просторным именам по обоим берегам Адорна, его богатство и сила возросли».

(52) «Тогда Фрека впал в ярость и оскорбил Короля...» Кстати, действие, характеризующее как *crimen laesae majestatis*.

(53) См. развитие употребления в средненидерландском лексемы *vrec* к значению ‘скупой’.

(54) Ср. с описанием волка Одина *Freki* как «жадного на трупы тех, кто пал в бою».

(55) Кеннинг *gold-wine* (букв. «золото-друг») раскрывается как «господин или король (щедро наделяющий сокровищами своих родичей и преданных рыцарей)».

Заметим, Король Голдвине был двоюродным прадедом Фреки; ср.: “Old Took’s great-grand-uncle Bullroarer”.

(56) Скорее всего, мы здесь наблюдаем одну из лингвистических шуток Дж.Р.

(57) Обозначали предмет по тому качеству, которое является его характерной, постоянной принадлежностью.

(58) Примечательно, что реконструируемая общегерманская форма **walkōs* восходит к кельтскому племенному названию, соответствующему лат. этнониму *Volcae* ‘волки’. То есть, само имя Вульф подчёркивает *валлийские* корни династии.

(59) Так, для потомков Эовора типична повторяемость элемента *eo-* (*eah-*): Эомунд, Эомер, Эовин и, возможно, Эоган.

(60) См. примечание Дж.Р. об имени короля Грама в письме № 297.

(61) Восходит к протогерманскому прилагательному **gramaz*, произошедшему от и.-е. **g^hrom-*; см. слав. **grōтъ* (гром). Ср. также с названием меча, извлечённого Сигмундом, отцом Шуура (исландский вариант имени Сигурда), из дерева: «Грам называет он меч» (фарерская баллада из сигурдовского цикла *Regin smipur*).

(62) Обратите внимание на то, что в хронике «Северяне и кибитники» (*The Northmen and the Wainriders*) Мархвини в событиях 1899 года показан не во главе *эохере*, а как предводитель *эоред*. То есть в тот момент гражданская и военная власть оказываются разделёнными. Мархвини являлся не *военным вождём* (*dux*), а *гражданским* (*rex*) – выбранным вследствие своей знатности; и поэтому он опирается непосредственно на свою дружину.

(63) Ср. у Тацита («Германия»): «Большая знатность и выдающиеся заслуги отцов до-

ставляют звание вождя даже юношам». Так, когда погиб Леод, Эорлу было шестнадцать.

(64) По-видимому, старейшины были выборными представителями от *сотен* – позднее из них развилось административно-военное деление на зореды.

(65) N.V.: в том числе и заключение браков! То есть Фрека был в своём праве, предлагая *уитангемуту* обсудить перспективы свадьбы его сына и королевской дочери...

(66) Мы касались этого вопроса в статье «Метаморфозы Леода» («Палантир» № 66).

(67) Поэтому предлагаю взглянуть на конфликт Фрама и наугрим из-за сокровищ Скаты именно в связи с обязанностью вождя перераспределять прибавочный продукт.

(68) Обратим внимание, что для Гондора Средневековье началось намного ранее! Внутренние истории начинали отсчёт Средних веков с дней Наместников-Правителей, но уже последний король Гондора был вполне средневековой персоной!

(69) См. мою статью «О Брего – “первом короле Марки”» («Палантир» № 67)

(70) Характерным примером таких отношений может послужить казус встречи воина Кеорла с королём Теоденом, случившийся 3 марта близ Хорнбурга.

(71) См., например, как Теоден одаривал членов Содружества оружием и конями.

(72) Например, обладавшие схожими прерогативами меровингские графы и скандинавские ярлы получали одну треть государственных доходов для собственного содержания и содержания служилых людей, что представляло собой материальное выражение фьефа-должности и фьефа-денег.

(73) См. статью «Метаморфозы Леода», стр. 17.

(74) Кстати, владея коэффициентом естественного прироста, мы можем приблизительно оценить убыль населения после Долгой Зимы. Так, вначале правления первого короля Второй Династии – Фреалафа Хильдсона – население Марки сократилось до времён короля Фрея.

(75) Ср. с прозвищем Хельма – Hammerhand. См. прим. 2.

(76) Потрясающая и ужасающая аллюзия на *Беовульфу*. Король, словно юный Беовульф, проникает один и безоружный в укрытия (camps) своих врагов, являя «избыточный» героизм – пренебрегая своими обязанностями по отношению к нижестоящим, и пренебрегая собственным же здравым советом (against the king’s counsel). Он герой бальдоревского типа – ищет и находит себе *славную смерть*. И, как и в случае с Бальдором, в словах *позднейшего писателя* (компилятора *The House of Eorl*) звучит суровая критика – Король сравнивается с троллем, врагом рода человеческого! Следует помнить, что Хельм сражается не с чудовищем, а с людьми! Подобно Гренделю, рыскает он в ночи, неся террор и ужас, и *внутренний автор* доводит до нас взгляд дунлендингов, вещавших о том, что “... if he could find no food he ate men” («... если он не находит пищи, он поедает людей»).

(77) В первом списке Королей Марки она появляется под именем Эовин.

(78) *Frēalāf* – «наследник Фрея».

(79) «... народ Рохана беспощаден и пленных сжигает живьём». И, как отмечает Т. Шиппи, в характере роханцев есть нечто, придающее этому домыслу некоторое правдоподобие.

(80) Обратим внимание, что в первых черновиках НоМЕ речь перед дунлендингами произносил Гамлинг Старый. И то, что в окончательной редакции она была перепоручена Эркенбранду, предполагаемому потомку Хельма, вряд ли случайно.

Популярное мнение о полной антропоморфности айнур

Представление о полном сходстве айнурских *fanar* и тел Эрухини пустило глубокие корни в восприятии части читателей Толкина. Валар и майар Амана воспринимаются как «особенно красивые эльфы», хотя для этого и нет опоры в первоисточнике. Среди возможных причин можно предположить естественную склонность человека к антропоморфизму, недооценку различий в мышлении айнур и Эрухини (3), впечатление от внешности истари (как показано выше, совершенно неуместное для Валинора Первой Эпохи), и, не в последнюю очередь, литературное влияние «Чёрной книги Арды».

Хотя сегодня популярность ЧКА не кажется значительной, эта книга – одно из самых выдающихся явлений в русскоязычном литературном творчестве по мотивам Толкина, и самое раннее среди них. Её влияние, прямое или косвенное, не стоит недооценивать даже среди людей, не разделяющих авторского видения персонажей и событий, заимствованных из сюжетов Толкина; более того, эстетика ЧКА являет апофеоз дивности и сказывается на другой фэндомной литературе, так что способна влиять даже на тех, кто саму ЧКА не читал.

И в этой книге полная антропоморфность Валар и майар, как светлых, так и тёмных, выведена со всей определённой.

Косвенным подтверждением роли ЧКА в распространении такого взгляда на айнурские *fanar* является отличие русскоязычного фэндома от западного. У нас даже в полемике с ЧКА сохраняется её влияние: например, в романе «По ту сторону рассвета» выведен образ Моргота 10 футов (трёх метров) ростом. Это сопровождается предваряющими дискуссиями между персонажами, критикой эльфийских преданий о поединке Финголфина и Моргота со стороны слуг последнего, пикировками с Береном etc. А как звучит венчающее эту линию описание внешности Врага? Как торг! «Ну, не тридцать футов... Ну, десять... Мне хватит...»

Нетрудно найти на русском языке дискуссии, участники которых не сомневаются, что «башня» – это сильное преувеличение, и активно спорят, насколько большое. Возникают также сложные и искусственные конструкты вроде того, что рост Валар в описании эльфов может раскладываться на «физическую» и «энергетическую» составляющие, так что физический

рост Моргота был, скажем, метров шесть, а остальное – «энергетическая» часть. Отыскать подобные концепции в англоязычном сегменте интернета пока не удалось.

И всё же, у нас сильно убеждение в антропоморфности, что может породить возражения к данной реконструкции. Рассмотрим и постараемся отвести наиболее очевидные.

Валар хотели походить на Эрухини, и это им легко

Хотели – да, пожалуй. Об их мотивации уже было сказано – любовь к Детям Эру. Валар воссоздавали, в меру возможности, не только тела: они пытались копировать и образ жизни Воплощённых, как его представляли. Создали язык (валарин) – эльфийскому слуху его звучание было неприятно [49]. Построили город (Валмар). Эльфы там не жили. Аулэ сковал для эльфов Куйвиэнэн мечи и другое оружие, но позже, в Валиноре, их пришлось переделывать [50]. Даже скипетр Манвэ изготовлен руками нолдор [17].

Легко понять, отчего так: айнур не нуждались в самих телах, не то, что в предметах материальной культуры Воплощённых. В продумывании и сотворении Эрухини они не участвовали [51], поэтому их попытки «пожить по-эрухински» были основаны на догадках и представляли собой, по сути, род ролевой игры: их не направляло знание, не поддерживало понимание, не корректировала нужда.

Собственная материальная культура айнур по нашим меркам груба. Как, например, они понимают крепость? Как страну, ограждённую горами! А крепостную стену – как горный хребет! В результате Мелькор возводит Железные горы для обороны Утumno и Ангбанда, Мглистые горы для затруднения рейдов Оромэ, Валар поднимают стену Пелори для защиты Амана. Саурон, не в состоянии повторить подобное, ищет уже готовую территорию в кольце гор, чтобы превратить её в свой оплот. Как видим, гигантомания инвариантна для айнур – как тёмных, так и светлых. Трудно ожидать от попыток воссоздания собственно *hroar* большей точности.

Как туманно отмечается в «Айнулиндалэ», формы айнур «происходят скорее из их знаний о видимом мире, нежели из мира как такового» [9]. Причём, как видно по той же цитате,

образ Эрухини им приходилось воспроизводить даже без опоры на знание их природы, исключительно по памяти о Видении – а память эта, как безжалостно отмечается в рассказе о первой встрече Оромэ и эльфов, мало отвечает действительному облику вещей и явлений, когда те наконец входят в развёртывающуюся историю мира [52]. Поэтому для Валар всё, будто бы известное из Музыка и Видения, в реальности предстаёт новым и непредсказанным.

Характерна попытка Аулэ изготовить Эрухини самостоятельно, приведшая к появлению гномов [53]. По технической задаче она не отличается от сотворения антропоморфных *fanar*. Творящий субъект тот же – Вала. И, как отмечает сказитель, «Аулэ сделал гномов такими, какие они есть, потому что образ Детей, что должны были прийти, был в его уме неясен». Но Аулэ, на минуточку – искусный мастер, вложивший всё старание

и усердие в этот проект! Между тем, гномов ни с эльфами, ни с людьми никто не путал. Этот результат можно считать показательным и для точности Валар в конструировании *fanar*. Лучшее всего Музыку понимал Улмо [54], а про его гуманоидное воплощение мы уже читали.

Надо думать, телесные оболочки других айнуру ещё менее походили на людей и эльфов, чем гномы Аулэ и *fana* Улмо. Во всяком случае, когда Оромэ обнаружил квенди у Куивизенен, их облик показался ему незнакомым – «неожиданным, превосходным и невиданным прежде» [52]; а ведь те обличья, в которых Валар будут в дальнейшем общаться с эльдар, к тому времени уже были сотворены и ему известны [55] (эти *fanag* созданы «после завершения демиургических трудов» – видимо, в начале Весны Арды).

Итак, точное повторение облика Эрухини не было для Валар лёгкой задачей – по двум причинам: во-первых, этот облик они представляли себе смутно, во-вторых, они привыкли к другим масштабам, и к тонкой, мелкой работе не очень-то способны. Это напоминает анекдот о ролевой системе D&D: чего не может сделать воин 144-го уровня с силой 20 и двуручным мечом? Он не может ранить хоббита.

Всё же толкинистам бывает трудно представить, что какая-то задача может оказаться слишком сложной для айнуру: нам довлеет идея об их гипер-компетентности в любых вопросах – вообще говоря, не опирающаяся на текст, но скорее вчитанная в него. Приведём, для остротки, пример вопиющей некомпетентности айнуру вне сферы его специализации: по экспертному мнению Гэндальфа (тоже айнуру) Том Бомбадил может принять Кольцо Врага, если «все свободные народы станут просить его об этом», но не поймёт, зачем это нужно, и вскоре потеряет Кольцо или выбросит [56]. Если бы кто-нибудь из нас, смертных, отнёсся таким образом к просьбе всех свободных народов и не сумел понять, что за нужда у них просить, такого человека сочли бы недееспособным. А ведь речь идёт не о безделье, но о проблеме, угрожающей и самому Бомбадилу: по мнению Глорфинделя (видавшего и светлых, и тёмных айнуру во всех видах), Бомбадил не выстоит перед завершающим натиском Саурана, когда будет побеждён остальной мир [57]. Но Бомбадил не понимает проблемы, хотя сам не свободен от неё: видимо, таких проблем он просто не умеет решать – его роль в Музыке была иной. И это не делает его глупцом!

По-своему, по-айнуруски, он очень умён – Гэндальф, разбирающийся в таких проблемах отлично, перед уходом за Море ищет долгой беседы с Бомбадиллом, в которой они многое смогут сказать друг другу [58]. Вероятно, у Гэндальфа иная специализация (ср. «Айнулиндэл» [59]).

Отсюда видно: ум Эрухини и айнуру невозможно сравнивать напрямую: даже мудрейшим майар могут быть недоступны понятия, очевидные и элементарные для эльфов и людей.

Неполное сходство с Эрухини противоестественно!

О, да, эффект «зловещей долины». Слыхали. Но это верно только в наших глазах. Нет никаких причин думать, будто фактический внешний облик Эрухини представляет собой некий фундаментальный закон мира, будто он может быть только таким и никаким иначе. Принял же Эрү гномов. Мы сами болезненно переживаем «нечеловечность», как воспринимаем то,

что слишком похоже на нас, чтобы считаться Иным, но слишком отличается, чтобы быть «нами». Не нужно приписывать того же комплекса мышлению айнуур.

Внешность эльфов и людей не прошита в физику Арды, она не является неким самопритягивающим естественным эталоном, нахождение которого было бы естественно и неизбежно для всякого ищущего. Пример Аулэ говорит как раз об обратном. Заранее конструируя гуманоидные *fanar*, айнуур могли опираться только на память о Видении и общебиологические познания. Но последние дают достаточно хороший разброс вариантов: ведь в Арде, как и на Земле, обитало немало существ, внешне сходных с Детями Единого. Мы знаем это, т.к. во «Властелине Колец» употребляется слово “apes” (высшие человекообразные или собакоголовые обезьяны). В этой книге Толкин был очень аккуратен с лексикой, и если в речи орков [60, 61] и мыслях роханцев [62] используется такое понятие, это означает, что и сами животные в Среднеземье обитали. В «тёмных лесах Юга», да.

Поэтому создать *fana* как «что-то человекообразное» – задача реальная. Как «точное подобие» внешности Эрухини – почти неподъёмная: успех может быть лишь случаем.

Кроме того, мы не знаем, стремились ли айнуур к действительно точному воспроизведению *hroar*. Наводит на размышления уже тот факт, что истари по всем источникам придана форма именно «людей» (а не «эльфов»), тогда как вид обитателей Валинора описан абстрактно как подобный внешности «Детей Илуватара». Видимо, отсутствие таких тонких дефиниций, как в случае истари, говорит о том, что подобие достигалось вчерне, и задача так и ставилась.

В «Книге Утраченных сказаний» упоминаются, например, *oaritsi* – русалки – и их королева Солорэ/Онен (прообраз Уинен). Чем русалки (телесно) – не подобие Детей Единого? И почему от других айнуур нужно ожидать чего-то большего?

Мышление айнуур отличается от нашего! Если бы внешность Эрухини была для них наиболее естественна, то именно в неё они и переходили бы по умолчанию. Но вместо этого, когда Валар облакаются в собственные мысли, они становятся видимы в формах «величественных и ужасных» [5]. Невольно вспоминаются видения пророка Иезекииля.

...И если наш собственный облик кажется нам «естественным», то айнуур он представляется странным и удивительным – как в Видении [63], так и в живой природе [52]. Даже то частичное сходство с Эрухини, которого они достигают – искусственно, и не отражает их подлинную природу [64].

Можно возразить, что если эльфы писали о красоте Валар, то значит и эффекта «зловещей долины» при общении с ними не возникало. Но тонкость в том, что эльфы лучше людей видят в Незримом, и мы не можем утверждать, что данный эффект им хоть сколько-нибудь знаком. Между тем, нам в общих чертах известно, что происходит, когда айнуур «повторяют» в своём облике какие-нибудь настоящие животные или растения – *fanar*, как правило, ярко

выделяются среди «образцов». Яванна принимает вид огромного дерева «под небесами» (видимо, возвышающегося над всеми элементами окрестного ландшафта), «коронованного Солнцем» – так что эльфы сразу видят: перед ними не дерево, а Валиэ. Тхурингветиль, «летучая мышь-вампир» – поистине гигантская, в её шкуру потом смогла облачиться взрослая эльфийка! А ещё у этой *fana* – железные когти [65]. Чёрные волки-оборотни – потомки Драуглуина: «волки» с ядовитыми клыками и очень крупные – вплоть до Кархарота, к морде которого Берен поднимает руку. Гигантский волкодав Хуан. Шелоб и огромные пауки Темнолесья – потомство Унголиант – сильно они похожи на пауков настоящих? Думаю, закономерность уже чувствуется... Наконец – «великие орки».

Предполагая, что Мелькор внедрил в среду орков множество воплощённых меньших духов, принявших сходное телесное обличье – как специальных агентов, шпионов и лидеров [66] – Толкин пришёл к выводу, что такие оркоподобные майар выглядели как орки, но крупнее и ужаснее – в такой мере, что эльфы и люди выделяли и различали их как «великих орков», и отслеживали их появление в битвах спустя сроки, превосходящие продолжительность человеческой жизни [67].

Естественно ожидать подобного и при воплощении айнур в «людей» или «эльфов».

Исправить *fana* легко, айнур должны были это сделать!

Вряд ли. Никому они ничего такого не должны; даже само их облачение в формы, напоминающие тела Детей Единого – это их личная инициатива, а не служба. Некоторые майар, такие как Торондор, Хуан или Нахар, и вовсе избрали зооморфный облик (если кто-нибудь не уверен, что вышеназванные – майар, то по крайней мере в отношении Торондора и других Орлов Манвэ в этом можно убедиться по «Сильмариллиону» [68]).

Кроме того, менять *fana* не так легко, как можно было бы подумать. Это возможно – но требует труда и сопровождается ограничениями. Так, мы ни разу не видим «модификации» уже существующего и «надетого» *fana* – только избавление от одного и переход в другое. Тот факт, что эльфы вообще взялись описывать «внешность» Валар, красноречиво свидетельствует, что большую часть времени те пребывали в одном и том же избранном облике. Мы никогда не сталкиваемся с конструированием *fanar* «на ходу» – если айну обретает тело «в кадре», такой процесс либо протекает медленно и мучительно [69, 70], либо означает возвращение в облик, уже надевавшийся раньше (Саурон в сражении с Хуаном, Мелькор при встрече с Унголиант). Однако «сбрасывание» и «надевание» *fana* – тоже процесс энергетически затратный.

Мелькор прибегнул к этому приёму, чтобы спастись от погони и пробраться в Аватар; но если бы это было легко, не было бы никакого смысла воздвигать Мглистые горы против Оромэ – Охотник просто развеивал бы *fana* перед преградой и заново надевал после.

Наконец, если эльфов устраивало общение с Валар такими, какие они есть, то в чём резон что-то менять и добиваться полного эльфоподобия? Вводить эльфов в заблуждение?

Более того, раны, причинённые *fana*, могут так глубоко отразиться на состоянии духа айну, что воспроизводятся в следующем воплощении. Так, хотя Исильдур срубил палец Саурона в конце Второй Эпохи, и дух Врага покинул оболочку, впоследствии Голлум видит

девять пальцев уже на новом теле Саурона – в конце Третьей Эпохи [71].

Другой формой зависимости и предрасположенности при создании *fanar* эльфы считают природную склонность айнур воплощаться в тела того или иного пола – склонность, присущую их духу неотъемлемо и проявляющуюся в любом «одеянии» [72]. Непонятно, способна ли Яванна принимать облик обоеполюх растений, а прочие Валар – каких-нибудь примитивных бесполох животных – или гермафродитов; возможно, автор не задавался этим вопросом.

Итак, «свобода манёвра» айнур при смене *fana* ограничена, а мотивация «исправления» любимых гуманоидных оболочек на какие-нибудь повышено антропоморфные, действительно неотличимые от настоящих эльфов или людей – неясна.

Случаи точного воссоздания *hroar* Эрухини опровергают всё это!

Известны примеры очень точного воссоздания вида и даже устройства *hroar* силами айнур.

Но, перечислив их, мы легко увидим, что все эти немногочисленные частные случаи объясняются каждый особыми обстоятельствами, и не образуют закономерности.

Во-первых, Олорин в Валиноре, притворявшийся эльфом. Нет причин думать, будто истинно эльфийской была, хотя бы внешне, его *fana*: в силу специализации он вполне мог поддерживать иллюзию сходства посредством чар.

Во-вторых, Мелиан. Невозможно сомневаться, что в Дориате майа Мелиан носила оболочку, фенотипически и генетически совместимую с эльфийскими *hroar*. Хотя впоследствии её потомки демонстрировали особые признаки, качества и способности, несвойственные другим эльфам и людям, так что соответствие не было полным. Толкин отмечает, что это наследие может сказываться даже в Арагорне, отделённом от Лютуиен многими десятками поколений [73]. На что стоит обратить внимание? В «Сильмариллионе» говорится, что данную форму Мелиан приняла из любви к Элу Тинголу [74]. Хотя найти эту фразу в черновиках Толкина-старшего не удалось, Кристофер неплохо разбирается в легендах отца, а сказание о Берене и Лютуиен ему доводилось не раз слышать в устном пересказе. Если утверждение в его тексте верно, это означает, что на момент встречи с будущим супругом Мелиан носила другую *fana*. Разумно предположить, что «эльфийское» тело она сконструировала до совместного возвращения к телери. И тогда мы обнаруживаем, что между верхней и нижней границами периода, когда новое *fana* было создано, Мелиан не занималась никакой разнообразной деятельностью; зато всё это время (22 года Деревьев, т.е. почти 211 лет в пересчёте на годы Солнца) они с Тинголом стояли, не двигаясь и не произнося ни слова, пока леса Нан Эльмот не выросли над ними, тёмные и высокие [75]. Как известно из «Серых

Анналов», Эльвэ вернулся к своему народу практически сразу

после пробуждения из его «долгого транса» [76]. Но тогда весь более чем двухвековой период оказывается однороден, и, за отсутствием в нём внутренних хронологических границ, естественно считать, что процесс построения «эльфийской» *fana*

занял всё это время. Я рискну утверждать, что этот труд Мелиан – научный подвиг, который оказался бы невозможен, не будь у неё под руками образца настоящего эльфийского *hroa*. Более того, выражения «Серых Анналов» заставляют думать, что облик Эльвэ изменился тоже – в частности, у него стали ярче светиться глаза и значительно увеличился рост, так что он стал (как известно из разных упоминаний) самым высоким среди Эрухуны и начал походить внешне на владыку майар. Выводы делайте сами.

В-третьих, Валар в Амане восстанавливали *hroar* погибших эльфов. Но, читая «Атрабет» внимательно и со всеми сопутствующими текстами, мы обнаруживаем, что Эру дал Валар специальное позволение на такие манипуляции, когда Манвэ обратился к нему с сомнениями о судьбах эльфов, чьи тела были разрушены [77]. Мало того: Манвэ посчитал задачу воссоздания *hroa* непосильной для Валар, и Эру пришлось специально обучать его ноу-хау [78]. Ларчик открывается просто: *fea* содержит полный отпечаток «памяти» о *hroa*, исчерпывающе описывающий последнее (прежде Манвэ этого не знал), и Валар остаётся лишь организовать материю в соответствии с этим – готовым – отпечатком. Это не требует понимания или искусства.

В-четвёртых, известен случай, когда вече людей в Эстоладе приняло лазутчика Моргота за человека, Амлаха, сына Имлаха [79]. Но у нас нет никаких причин полагать, будто данный умайа действительно реконструировал внешность конкретного человека ради одной короткой речи. С тем же успехом могли применяться маскирующие чары наподобие Финродовых [80].

В-пятых, истари. О них уже многое сказано выше. Добавлю лишь, что ко времени снаряжения истари за плечами Валар уже была обширная практика восстановления *hroar* эльфов, Мелиан с её уникальным опытом уже вернулась в Аман, а под скалами Калакирьи находилось множество образцов человеческих *hroar*.

Последние возражения

В одном из писем Толкин уподобляет форму Саурана в конце Третьей Эпохи – человеческой, только большего, чем у людей, телосложения (однако «не гигантского») [81]. Речь о пресловутой «ужасной» *fana* [69, 70]. Но, собственно... если читать именно то, что написано, а не то, что хочется увидеть, «новостей» не обнаружится: Саурон «ужасен», его физическое присутствие увеличивает источаемые мощь и ужас, тело превосходит габаритами человеческие, выходит за границы видовой нормы. «Не гигантское» – ну да, вероятно, положить человека в карман или даже заплечный рюкзак Саурон не может. Интереснее то, что сообщает здесь Толкин о прежнем *fana* Саурана (до гибели Нуменора). В то время он ещё был способен как-то прятать своё могущество («как Гэндальф?») [82]. Не совсем как Гэндальф... может быть, сходно по методу, но не по результату: ведь истари, как мы видели, совершенно походили на людей, и им было вовсе запрещено являть своё айнурское величие, а Саурон и в «прекрасном» облике представлял «фигурой» (а не «человеком» или «эльфом»), причём фигурой «доминирующей», с «телом огромной силы» и «предельно царственной» манерой держать себя. На Гэндальфа не похоже... видимо, для пребывания в Эрегионе и Эленне Саурон ориентировался на привычный

нолдор облик валинорских майар. А позже, в квази-«человеческом» теле, он, по словам автора, ещё хуже скрывал айнурускую мощь.

Любопытная деталь: руки Сауруна в «ужасном» облике обладали такой температурой поверхности, что их прикосновение (возможно, относительно продолжительное, не мимолётное – но всё же не слишком долгое) было способно убить эльфа [83].

Наконец, такое же замечание «против гигантизма» есть и о Валар – в примечаниях к сборнику стихов «Бежит дорога всё вперёд» [55]: «являлись как существа грандиозного (но не гигантского) телосложения». Увы, трудно понять, где проходила для Толкина граница между «грандиозным» и «гигантским». Считаются ли гигантскими «башни» *fanar* Улмо и Моргота?

Фангорн, 4,2 м ростом или выше – не «гигант», он просто «крупный» (*large*) [40]. 40-метровая (как минимум, а скорее 46-ти) *fana* властелина Ангбанда, принятая Мелькором в Аватаре, тоже не названа «гигантской» – всего лишь «высокой» (*tall*) [27]. Видимо, она выше его «красивой» валинорской *fana*, и выше обычных *fanar* других Валар в Аманы – но сравнима, находится в той же категории. И даже гуманоидные формы Валар были, судя по сноске, отчасти «нечеловечны».

Из ценного: этот источник сообщает, что «валинорские» гуманоидные *fanar* были приняты очень давно, «по завершении демиургических трудов», «когда Валар стали жить в Арде» – т.е. ещё на Алмарене, в начале Весны Арды. Кроме того, мы узнаём, что тела Валар всегда в той или иной степени сияли, как будто свет просачивался изнутри (что напоминает «преображения» Гэндальфа Белого). Одежда Валар выражала их характер и функции (ср. рыбу чешую кольчуги Улмо).

Таким образом, хотя пока для моделирования внешности «светлых» айнуру редко используют специальные костюмы, грим или маски, их *fanar* были: чрезвычайно высокими, сияющими и лишь отдалённо сходными с *hroar* Детей Эру, а одежда – «стихийной» и нечёткой. Причёски, цвет кожи и волос, даже некоторые черты лица могут быть нехарактерны для эльфов и людей. Кроме того, хотя «форма» тел Мелиан и Тингола (после их «транса») должна соответствовать эльфийской, ростом и сиянием (Мелиан – лица и/или тела, Тингол – глаз) эта пара выделялась среди эльфов. Хорошим ориентиром для моделирования внешности айнуру может служить идея о гуманоидах с другой планеты: прекрасных, но чуждых, и отличающихся мощью тела и голоса.

Примечание

(3) У айнуру такой склонности к антропоморфизму нет! Даже если они стремятся воссоздавать облик Эрухини, это волевое решение, а не природно обусловленное тяготение к «наиболее естественному» или «единственно мыслимому» варианту.

Цитаты из источников

[48] “The Lord of the Rings”, Book I, ch. 6

There was another burst of song, and then suddenly, hopping and dancing along the path, there appeared above the reeds an old battered hat with a tall crown and a long blue feather stuck in the band.

With another hop and a bound there came into view a man, or so it seemed. At any rate he was too large and heavy for a hobbit, if not quite tall enough for one of the Big People, though he made noise enough for one, slumping along with great yellow boots on his thick legs, and charging through grass and rushes like a cow going down to drink. He had a blue coat and a long brown beard; his eyes were blue and bright, and his face was red as a ripe apple, but creased into a hundred wrinkles of laughter. In his hands he carried on a large leaf as on a tray a small pile of white water-lilies.

[49] HoME-XI, “Quendi and Eldar”

Pengolodh comments: “Plainly the effect of Valarin upon Elvish ears was not pleasing.” It was, he adds, as may be seen or guessed from what survives, filled with many consonants unfamiliar to the Eldar and alien to the system of their speech.

[50] HoME-X, “The Later Quenta Silmarillion”, “The Second Phase”

Now the Quendi had possessed weapons in Middle-earth, but not of their own devising. They had been made by Aule and sent as gifts by the hand of Orome, when it became known to the Valar that the Quendi were beset by prowling evils that had discovered the places of their dwelling beside Cuivienen; and more were sent later for the defence of the Eldar upon the Great March to the shores of the Sea. But all these were long unused, and lay in hoard as memorials of old days half-forgotten; and since the chaining of Melkor the armouries of the Valar also had been shut. But now the lords of the Noldor took out their swords and spears and sharpened them, re-strung their bows and filled their quivers with arrows.

[51] “Silmarillion” (published by Christopher Tolkien), “Ainulindalë”

For the Children of Ilúvatar were conceived by him alone; and they came with the third theme, and were not in the theme which Ilúvatar propounded at the beginning, and none of the Ainur had part in their making.

[52] “Quenta Silmarillion” (published by Christopher Tolkien), ch. 5

And Oromë looking upon the Elves was filled with wonder, as though they were beings sudden and marvellous and unforeseen; for so it shall ever be with the Valar. From without the World, though all things may be forethought in music or foreshown in vision from afar, to those who enter verily into Eä each in its time shall be met at unawares as something new and unforetold.

И Оромэ, глядя на эльфов, исполнился изумления, как если бы они были существами неожиданными, превосходными и невиданными прежде; ибо так всегда бывает с Валар. Хотя снаружи, из-за пределов Мира, все вещи могут быть прежде помыслены в музыке или заранее показаны в видении издалека, тем, кто истинно вступит в Эа, каждая в свой черёд предстанет внезапно как нечто новое и нерассказанное прежде.

[53] “Quenta Silmarillion” (published by Christopher Tolkien), ch. 2

It is told that in their beginning the Dwarves were made by Aulë in the darkness of Middle-

earth; for so greatly did Aulë desire the coming of the Children, to have learners to whom he could teach his lore and his crafts, that he was unwilling to await the fulfilment of the designs of Ilúvatar. And Aulë made the

Dwarves even as they still are, because the forms of the Children who were to come were unclear to his mind, and because the power of Melkor was yet over the Earth; and he wished therefore that they should be strong and unyielding.

[54] “Silmarillion” (published by Christopher Tolkien), “Ainulindalë”
Now to water had that Ainu whom the Elves can Ulmo turned his thought, and of all most deeply was he instructed by Ilúvatar in music.

[55] “The Road Goes Ever On”, “Notes and Translations”, “A Elbereth Gilthoniel”

They usually took the shape of the bodies of Elves (and Men). The Valar assumed these forms when, after their demiurgic labours, they came and dwelt in Arda, “the Realm.” They did so because of their love and desire for the Children of God (Erusen), for whom they were to prepare the “realm.” The future forms of Elves and Men had been revealed to them, though they had no part in their design or making, and the precise time of their appearance was not known. In these fanar they later presented themselves to the Elves,* and appeared as persons of majestic (but not gigantic) stature, vested in robes expressing their individual natures and functions. The High-Elves said that these forms were always in some degree radiant, as if suffused with a light from within. In Quenya, fanathus came to signify the radiant and majestic figure of one of the great Valar.

* Though they could also assume other wholly “inhuman” shapes, which were seldom seen by Elves or Men.

[56] “The Lord of the Rings”, Book II, ch. 2

“But within those bounds nothing seems to dismay him,” said Erester. “Would he not take the Ring and keep it there, for ever harmless?”

“No,” said Gandalf, “not willingly. He might do so, if all the free folk of the world begged him, but he would not understand the need. And if he were given the Ring, he would soon forget it, or most likely throw it away. Such things have no hold on his mind. He would be a most unsafe guardian; and that alone is answer enough.”

[57] “The Lord of the Rings”, Book II, ch. 2

“But in any case,” said Glorfindel, “to send the Ring to him would only postpone the day of evil. He is far away. We could not now take it back to him, unguessed, unmarked by any spy. And even if we could, soon or late the Lord of the Rings would learn of its hiding place and would bend all his power towards it. Could that power be defied by Bombadil alone? I think not. I think that in the end, if all else is conquered, Bombadil will fall, Last as he was First; and then Night will come.”

[58] “The Lord of the Rings”, Book VI, ch. 7

[Gandalf]: “But if you would know, I am turning aside soon. I am going to have a long talk with Bombadil: such a talk as I have not had in all my time. He is a moss-gatherer, and I have been a

stone doomed to rolling. But my rolling days are ending, and now we shall have much to say to one another.”

[59] “Silmarillion” (published by Christopher Tolkien), “Ainulindalë”

But for a long while they [Ainur] sang only each alone, or but few together, while the rest hearkened; for each comprehended only that part of the mind of Ilúvatar from which he came, and in the understanding of their brethren they grew but slowly. Yet ever as they listened they came to deeper understanding, and increased in unison and harmony.

[60] “The Lord of the Rings”, Book III, ch. 3

“Nazgûl! Ah! All that they make out! One day you'll wish that you had not said that. Ape!”

[61] “The Lord of the Rings”, Book III, ch. 3

“Curse you! You're as bad as the other rabble: the maggots and the apes of Lugbûrz.”

[62] “The Lord of the Rings”, Book III, ch. 7

Hundreds of long ladders were lifted up. Many were cast down in ruin, but many more replaced them, and Orcs sprang up them like apes in the dark forests of the South.

[63] “Silmarillion” (published by Christopher Tolkien), “Ainulindalë”

Therefore when they beheld them, the more did they love them, being things other than themselves, strange and free, wherein they saw the mind of Ilúvatar reflected anew, and learned yet a little more of his wisdom, which otherwise had been hidden even from the Ainur.

[64] “Silmarillion” (published by Christopher Tolkien), “Valaquenta”

But fair and noble as were the forms in which they were manifest to the Children of Ilúvatar, they were but a veil upon their beauty and their power. And if little is here said of all that the Eldar once knew, that is as nothing compared with their true being, which goes back into regions and ages far beyond our thought.

[65] “Quenta Silmarillion” (published by Christopher Tolkien), ch. 19

She [Thuringwëthil] was the messenger of Sauron, and was wont to fly in vampire's form to Angband; and her great fingered wings were barbed at each joint's end with and iron claw.

[66] HoME-X, “Myths transformed”, “Text IX”

Since Melkor could not “create” an independent species, but had immense powers of corruption and distortion of those that came into his power, it is probable that these Orks had a mixed origin. Most of them plainly (and biologically) were corruptions of Elves (and probably later also of Men). But always among them (as special servants and spies of Melkor, and as leaders) there must have been numerous corrupted minor spirits who assumed similar bodily shapes. (These would exhibit terrifying and demonic characters).

[67] HoME-X, “Myths transformed”, “Text X”

For Morgoth had many servants, the oldest and most potent of whom were immortal, belonging indeed in their beginning to the Maiar; and these evil spirits like their Master could take on visible forms. Those whose business it was to direct the Orcs often took Orkish shapes, though they were greater and more terrible. Thus it was that the histories speak of Great Orcs or Orc-captains who were not slain, and who reappeared in battle through years far longer than the span of the lives of Men. (Boldog, for instance, is a name that occurs many times in the tales of the War. But it is possible that

Boldog was not a personal name, and either a title, or else the name of a kind of creature: the Orc-formed Maiar, only less formidable than the Balrogs.

[68] “Quenta Silmarillion” (published by Christopher Tolkien), ch.

1

Spirits in the shape of hawks and eagles flew ever to and from his halls; and their eyes could see to the depths of the seas, and pierce the hidden caverns beneath the world. Thus they brought word to him of well nigh all that passed in Arda; yet some things were hidden even from the eyes of Manwë and the servants of Manwë, for where Melkor sat in his dark thought impenetrable shadows lay.

[69] “Silmarillion” (published by Christopher Tolkien), “Akallabêth”

But Sauron was not of mortal flesh, and though he was robbed now of that shape in which he had wrought so great an evil, so that he could never again appear fair to the eyes of Men, yet his spirit arose out of the deep and passed as a shadow and a black wind over the sea, and came back to Middle-earth and to Mordor that was his home. There he took up again his great Ring in Barad-dûr, and dwelt there, dark and silent, until he wrought himself a new guise, an image of malice and hatred made visible; and the Eye of Sauron the Terrible few could endure.

[70] “Silmarillion” (published by Christopher Tolkien), “Of the Rings of Power and the Third Age”

There now he brooded in the dark, until he had wrought for himself a new shape; and it was terrible, for his fair semblance had departed for ever when he was cast into the abyss at the drowning of Númenor. He took up again the great Ring and clothed himself in power; and the malice of the Eye of Sauron few even of the great among Elves and Men could endure.

[71] “The Lord of the Rings”, Book IV, ch. 3

“That would be Minas Ithil that Isildur the son of Elendil built,” said Frodo. “It was Isildur who cut off the finger of the Enemy.”

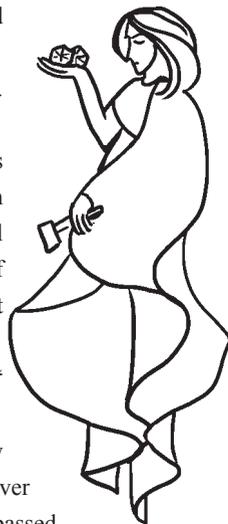
“Yes, He has only four on the Black Hand, but they are enough,” said Gollum shuddering. “And He hated Isildur's city.”

[72] “Silmarillion” (published by Christopher Tolkien), “Ainulindalë”

But when they desire to clothe themselves the Valar take upon them forms some as of male and some as of female; for that difference of temper they had even from their beginning, and it is but bodied forth in the choice of each, not made by the choice, even as with us male and female may be shown by the raiment but is not made thereby.

[73] “Letters of J. R. R. Tolkien”, #155

Anyway, a difference in the use of “magic” in this story is that it is not to be come by by “lore” or spells; but is in an inherent power not possessed or attainable by Men as such. Aragorn's “healing” might be regarded as “magical”, or at least a blend of magic with pharmacy and “hypnotic” processes. But it is (in theory) reported by hobbits who have very little notions of philosophy and

science; while A[ragorn] is not a pure “Man”, but at long remove one of the “children of Luthien”.

[74] “Quenta Silmarillion” (published by Christopher Tolkien), ch. 22

For Melian was of the divine race of the Valar, and she was a Maia of great power and wisdom; but for love of Elwë Singollo she took upon herself the form of the Elder Children of Ilúvatar, and in that union she became bound by the chain and trammels of the flesh of Arda. In that form she bore to him Lúthien Tinúviel; and in that form she gained a power over the substance of Arda, and by the Girdle of Melian was Doriath defended through long ages from the evils without.

[75] “Quenta Silmarillion” (published by Christopher Tolkien), ch. 4

She spoke no word; but being filled with love Elwë came to her and took her hand, and straightway a spell was laid on him, so that they stood thus while long years were measured by the wheeling stars above them; and the trees of Nan Elmoth grew tall and dark before they spoke any word.

[76] *HoME-XI*, The Grey Annals

1152. At this time, it is told, Elwe Singollo awoke from his long trance. And he came forth from Nan Elmoth with Melian, and they dwelt thereafter in the woods in the midst of the land; and though Elwe had greatly desired to see again the light of the Trees, in the face of Melian the fair he beheld the Light of Aman as in an unclouded mirror, and in that light he was content. Then his folk gathered about him in joy; and they were amazed, for fair and noble as he had been, now he appeared as it were a lord of the Maiar, tallest of all the Children of Iluvatar, his hair as grey silver, and his eyes like unto stars.

[77] *HoME-X*, Athrabeth Finrod ah Andreth

In Elvish tradition their re-incarnation was a special permission granted by Eru to Manwë, when Manwë directly consulted Him at the time of the debate concerning Finwe and Miriel.

[78] *HoME-X*, Athrabeth Finrod ah Andreth

Eru answered: “Let the houseless be re-housed!”

Manwe asked: “How shall this be done?”

Eru answered: “Let the body that was destroyed be re-made. Or let the naked *fea* be re-born as a child.”

Manwe said: “Is it Thy will that we should attempt these things? For we fear to meddle with Thy Children.”

Eru answered: “Have I not given to the Valar the rule of Arda, and power over all the substance thereof, to shape it at their will under My will? Ye have not been backward in these things. As for my First-born, have ye not removed great numbers of them to Aman from the Middle-earth in which I set them? ”

Manwe answered: “This we have done, for fear of Melcor, and with good intent, though not without misgiving. But to use our power upon the flesh that Thou hast designed, to house the spirits of Thy Children, **this seems a matter beyond our authority, even were it not beyond our skill**”.

Eru said: “I give you authority. The skills ye have already, if ye will take heed. Look and ye will find that each spirit of My Children retaineth in itself the full imprint and memory of its former house; and in its nakedness it is open to you, so that ye may clearly perceive all that is in it. After this

imprint ye may make for it again such a house in all particulars as it had ere evil befell it. Thus ye may send it back to the lands of the Living.”

[79] Quenta Silmarillion (published by Christopher Tolkien), ch. 17

But there arose one who seemed to all to be Amlach son of Imlach, speaking fell words that shook the hearts of all who heard him. <...> Then those that listened sat for a while astounded, and a shadow of fear fell on their hearts; and they resolved to depart far from the lands of the Eldar. But afterwards Amlach returned among them, and denied that he had been present at their debate or had spoken such words as they reported; and there was doubt and bewilderment among Men. Then the Elf-friends said: “You will now believe this at least: there is indeed a Dark Lord, and his spies and emissaries are among us; for he fears us, and the strength that we may give to his foes.”

[80] Quenta Silmarillion (published by Christopher Tolkien), ch. 19

By the arts of Felagund their own forms and faces were changed into the likeness of Orcs; and thus disguised they came far upon their northward road, and ventured into the western pass, between Ered Wethrin and the highlands of Taur-nu-Fuin.

[81] Letters of J. R. R. Tolkien, #246

Their power must be far greater when actually physically present. Sauron should be thought of as very terrible. The form that he took was that of a man of more than human stature, but not gigantic.

[82] Letters of J. R. R. Tolkien, #246

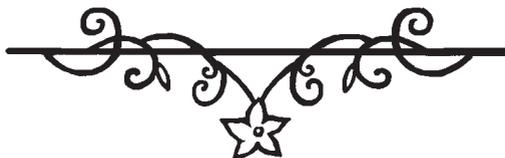
In his earlier incarnation he was able to veil his power (as Gandalf did) and could appear as a commanding figure of great strength of body and supremely royal demeanour and countenance.

[83] The Lord of the Rings, Book II, ch. 2

Already the writing upon it, which at first was as clear as red flame, faded and is now only barely to be read. <...> The Ring misseth, maybe, the heat of Sauron's hand, which was black and yet burned like fire, and so Gil-galad was destroyed.

[84] ‘Ósanwe-kenta’ (*Vinyar Tengwar* #39)

The great Valar do not do these things: they beget not, neither do they eat and drink, save at the high *asari* [festivals], in token of their lordship and indwelling of Arda, and for the blessing of the sustenance of the Children.

Поскольку я уже неоднократно выступала на секции толкинистики БлинКома с докладами, посвященными дориатскому сюжету, то хочу с самого начала обозначить, чем нынешний отличен от предыдущих. Началась тема докладом «Здравствуй, глюк! – Или «сложные» главы «Сильмариллиона» и «коллективное бессознательное» фэндома». В нем разбирались так называемые «коллективные глюки», не выраженные напрямую в текстах идеи, тем не менее с завидной частотой возникающие у читателей, – и то, как их появлению могла способствовать деятельность редактора «Сильмариллиона». Тогда были разобраны истории Хурина после Ангбанда (кратко), а также разорения Дориата и Гаваней Сириона феанорингами. Сюжет разорения Дориата гномами не затрагивался как гораздо более сложный в смысле текстов-источников. В следующие годы я также привозила доклады, посвященные более частным дориатским сюжетам: истории Наугламира в текстах Толкиена – и снова в «Сильмариллионе», о причинах различия этих историй; о сюжете ухода Мелиан – и снова о различиях двух категорий текстов...

Нынешний доклад, пожалуй, возвращается к проблематике, которую затронул «Здравствуй, глюк!» – но на новом витке. Потому что речь пойдет прежде всего о разорении Дориата гномами, а также о его предыстории (финал истории Хурина) и ряде последующих событий (вплоть до возвращения Сильмарила в Дориат, к Диору). И интересовать меня прежде всего будет следующий аспект: мотивы основных действующих лиц этой истории – как они описаны в «Сильмариллионе» и насколько это отлично от прочих текстов. (Доклад об этих мотивах и их изменении со временем в собственно толкиновских текстах я собираюсь представить на БТС. Также отмечу сразу – меня интересует именно «сильмариллодержущая сторона», все, что можно было сказать в данном отношении о феанорингах, вошло в длинную работу о Клятве, часть которой была доложена здесь в прошлом году).

К мотивам героев меня заставил обратиться следующий повод. Здесь будет, кстати, что-то вроде обоснования актуальности доклада (как положено делать в диссертации;-)): разорение Дориата, сюжет, в центре которого находится Сильмарил – это не только нередкий сюжет для ролевых игр, но и куда более частый повод для фэндомских дискуссий. Многолетних, ведущихся уже не первым поколением фэндома. И тем не менее в них с завидной регулярностью всплывают сходные вопросы, в частности: почему такие-то герои (Тингол, Диор, а за рамками собственно Дориата – Эльвинг) не отдали Сильмарил феанорингам? И не менее часто всплывает ответ: они, такие-то (кто-то из указанного списка) возжелали Сильмарил для себя, нездорово привязались к нему (что расценивается как негативный поступок). При этом если общая канва событий (как она известна нам из «Сильмариллиона») неплохо известна

обычно всем дискутирующим, то сами толкиновские тексты, помимо упомянутой книги – не всегда. Что не удивительно, если иметь в виду, что речь идет об очень ранних (вначале) и довольно отрывочных и не самых доступных (потом) текстах. Тем не менее, нужно отметить: часто дискуссия, на мой взгляд, идет не о каких-то текстовых версиях падения Дориата, а о тех мысленных картинах этих событий, которые сложились в голове у дискутирующих. На основе прежде всего «Сильмариллиона». А это, как мы знаем, книга непростая по составу – в особенности в данной части.

Одним из поводов к написанию доклада стал доклад Больдога на Весконе позапрошлого года, где он попытался подвести четкую математическую основу под проблему – и вычислить вину разных сторон в процентах. (Доклад доступен в Интернете: <http://ves-con.livejournal.com/32013.html>). Я тогда написала что-то вроде возражения на доклад, указывая в том числе на субъективность и пунктов оценки и самих расставляемых баллов. Предположив, что если и возможно некое применение «количественных методов» к текстам на данный сюжет, то стоило бы собрать и проанализировать все определения действий и мыслей героев, которые дает им автор: положительные, отрицательные, нейтральные.

И вот теперь я, пожалуй, воплощаю эту идею, хотя и не в исходном виде: речь пойдет не об оценках (кои я вообще не люблю ставить героям), а о *мотивах* их действий – прежде всего в тех действиях, которые связаны непосредственно с Сильмарилом. А также о том, что сравнение этих мотивов (и самих действий) в печатном «Сильмариллионе» и собственно толкиновских текстах выявляет любопытные закономерности.

Глава «Сильмариллиона» «О падении Дориата» делится на три подсюжета, первый из которых – история Хурина после Ангбанда. В непосредственное соприкосновение с Сильмарилом он не вступает, но его действия (в Нарготронде и в Дориате) приводят к завязке истории Тингола и гномов. Кроме того, на этой части можно выявить некие общие особенности, характерные для текста.

Одна из этих особенностей такова. В целом «Сильмариллион» по стилю близок скорее к исторической хронике с общим изложением событий без излишних подробностей. Поэтому многие сюжеты, представленные текстами более «распространенного» характера, вошли в него со значительными – или не столь значительными сокращениями (истории Финве и Индис, Маэглина, Турина, Лэйтиан, падение Гондолина). При этом время от времени относительно ровная ткань хроникального повествования разрывается более подробными эпизодами с речами героев и другими деталями – которые привлекают, соответственно, внимание читателя.

Интересно, что именно в главе «О падении Дориата», обеспеченность которой текстами-источниками весьма своеобразна, таких подробных эпизодов довольно много, и часть из них, похоже, целиком принадлежит редактору. (Курьезный момент, отмеченный Дугласом Кейном: один из исследователей отмечает как образец толкиновской прозы момент гибели Тингола с «последним взглядом, устремленным на Сильмарил». Однако именно в текстах *старшего* Толкина подобного эпизода нет, он появился только в печатном Сильмариллионе – и мы вернемся к нему несколько позже).

В истории Хурина четыре довольно подробно прописанных сцены. Две из них, имеющие отношение более к его собственной истории, – поиски Гондолина, предсмертный разговор Морвен с мужем – взяты (с теми или иными изменениями) из текста «Скитания Хурина», продолжающего сюжетную линию «Серых Анналов». Интересно, что полностью сюжетная линия этого текста, где Хурина задерживают жители Бретиля, держат в заключении, устраивают над ним суд, который заканчивается беспорядками среди халадин и гибелью последнего правителя из рода Халдада – не вошла в «Сильмариллион», как пишет Кристофер Толкиен, из-за необходимости больших сокращений:

«Я боялся, что получится запутанный клубок обрывочных фраз, из которого исчезнет

вся утонченность повествования, что принизит грозный образ этого старика, великого героя, Талиона Стойкого, обреченного содействовать исполнению целей Моргота» (ИС т. XI, с. 298; перевод Элентира).

Надо сказать, что, исключив из сюжета таким образом не только бретильцев, но и присутствующих во всех прочих текстах спутников Хурина, которые доходят с ним по меньшей мере до Нарготронда, редактор действительно сдвинул его образ от более реалистического к «великому герою». В тех же «Скитаниях» отмечено, что у Хурина не было навыков жизни в глуши (что логично, если вспомнить его биографию). Здесь же он не только сам погребает Морвен, но и сам вырезает надпись на камне (хотя у него вряд ли были для этого подходящие орудия, кроме меча).

Кроме того, он один приходит в бывший Нарготронд. Этот эпизод относится уже к редакторским. В «Сильмариллионе» здесь присутствует ссылка на то, как тот же Нарог переходил Маблунг. Если мы обратимся к соответствующему сюжету в «Нарне», то увидим, что переправа была непростой даже для опытного эльфа-воина (1), здесь же через реку переправляется одинокий старик; словом, образ «великого героя» снова сдвигается от реализма к большей эпичности и меньшей логичности.

Также сам Хурин убивает и гнома Мима, но это как раз менее удивительно: в ряде толкиновских версий это делает сам Хурин, в других – кто-то из его отряда.

Интереснее другие моменты. Мим, в отличие от вариантов, где его поведение в этой сцене как-то прописано («Утраченные сказания», «Квента Нолдоринва» IV тома), ведет себя, как говорят теперь при написании текстов «по мотивам», «не в характере». Он не предостерегает Хурина не брать зачарованное золото, не проклинает его перед смертью, напротив:

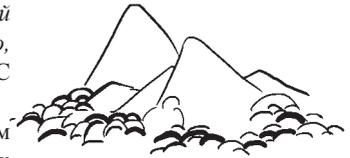
«Тогда Мим в великом страхе начал молить Хурина, дабы тот взял все, что ни пожелает, только бы сохранил ему жизнь, но Хурин не внял его мольбам и убил его перед воротами Нарготронда».

Здесь надо отменить один важный момент – тем более, что Кристофер сам указал на него. В ранних версиях истории проклятие золота является практически единственной движущей силой истории, ее формирует именно его действие на различных персонажей – вплоть до утопления сокровища в реке Ратлоризль. В дальнейших текстах появляются и другие мотивы (например, привязанность Тингола к Сильмарилу), но упоминания проклятия остаются. Однако Кристофер с неудовольствием отзывался о выраженности этого мотива еще в комментариях к «Утраченным сказаниям». А в «Заметке к 22 главе «О падении Дориата»» (ИС, т. XI, в приложении к «Повести лет») он прямо говорит:

«В истории, которая появляется в «Сильмариллионе», изгои, которые отправились вместе с Хурином в Нарготронд, были убраны, как и проклятие Мима...»

Таким образом, один из элементов, образующих костяк истории, был исключен... практически полностью (о странном возвращении мотива проклятия ближе к концу этого сюжета я еще скажу). На это у редактора, помимо личной нелюбви к нему, могли быть вполне веские основания (2); мало того, судя по доступным нам текстам, жажда золота действительно не была (бы) в поздних версиях единственным мотивом действий... Но факт этот нельзя не отметить. Сейчас, в эпизоде с Хурином, мы видим сам факт его отсутствия; в дальнейшем мы посмотрим, как заменяются мотивы персонажей.

Последний эпизод истории Хурина, еще один из подробных и не-авторских – появление Хурина в Дориате. Здесь, надо сказать, мы видим еще один случай поведения персонажей «не в характере». При этом изменение отношения Хурина к Тинголу, переход от оскорблений к уважению мотивирован вмешательством Мелиан (редакторский элемент) (3). Гораздо интереснее, что и Тингол ведет себя несходно ни в целом с характером Тингола, как он нам известен, ни с поведением его в этом эпизоде, описанном в других текстах:

«Тингол взглянул на сокровище и признал в нем Наугламир, и слишком хорошо понял, что замыслил Хурин; однако, исполненный скорби, он сдержал свой гнев и стерпел презрение Хурина».

Во всех прочих текстах Тингол, даже если он вначале вежливо принимает Хурина (как в наиболее подробной версии «Утраченных сказаний»), в итоге гневается в ответ на его оскорбительные слова и велит ему убираться. Из ответных речей Тингола, приведенных в «Сказании о Турамбаре», в печатном «Сильмариллионе» можно найти фрагменты в двух эпизодах: речь Мелиан к Хурину (часть уважительная и объяснительная) и речь Тингола к гномам, предшествующая его убийству (часть ругательно-оскорбительная).

С окончанием истории Хурина можно подвести некоторые промежуточные итоги. Среди тенденций можно выделить указанное уже большое число подробных эпизодов, не всегда основанных на толкиновских текстах; несвойственное персонажам по известным текстам поведение; исключение одного из основных моментов, служащих в дальнейшем для мотивировки действий персонажей.

При рассмотрении следующей части сюжета, касающейся Тингола и гномов, мы увидим, как же был решен вопрос с мотивировкой действий. Вслед за уходом Хурина Тингол в версии «Сильмариллиона» решает, что необходимо переделать Наугламир (единственное принесенное ему нарготрондское сокровище) и добавить к нему Сильмарил.

«Ибо во все минувшие годы думы Тингола непрестанно обращались к творению Феанора и прилепились к нему; и не желал он, чтобы Сильмариль лежал взаперти даже в самой потаенной его сокровищнице, а желал, чтобы тот был с ним всегда, в бодрствовании и во сне».

Надо сказать, что это упоминание привязанности Тингола к Сильмарилу – не первое в тексте книги. Предыдущий раз об этом упоминается во время создания Союза Маэдроса, когда сыновья Феанора отправляют ему письмо, требуя отдать Камень. Впрочем, привязанность к нему оказывается не единственной мотивацией Тингола:

«...речи сыновей Феанора были надменны и угрожающи, и Тингол разгневался, вспомнив о мучениях Лутиэн и крови Берена, коими был завоеван камень вопреки злодейству Келегорма и Куруфина. Да и чем долгие смотрел он каждодневно на Сильмариль, тем больше желал вечно владеть им; ибо такова была власть камня».

Обратим внимание на этот текст, почерпнутый редактором из «Квенты Сильмариллион» V тома. Это – **единственное** подкрепленное толкиновскими текстами упоминание о привязанности Тингола (или какого-либо иного персонажа, кстати!) к Сильмарилу (4).

Впервые этот эпизод появляется в «Наброске мифологии», где упоминание одной из мотиваций Тингола не участвовать в Союзе довольно туманно («*Частью это случилось из-за Сильмарила, которым владел Тингол и который Маэдрос потребовал в надменных словах*»). В следующем случае, в «Квенте» IV тома, где текст подробнее, однако, еще нет упоминаний об особой силе Камня и привязанности к нему: «...и жадность (*исправлено*: «скудость») также, возможно, была в сердце Тингола, как после стало ясно». Это упоминание (с явной отсылкой к дориатскому сюжету!) выглядит переходным этапом от того царства всеобъемлющей алчности, которое мы можем увидеть в наиболее ранних версиях как раз истории Тингола и гномов (она захватывает и его, и их, и некоторых других персонажей).

В частности, там, где печатный Сильмариллион, как мы видели, снова упоминает о привязанности к Камню, те же тексты IV тома, последние сколько-нибудь подробные тексты по этому сюжету, также продолжают тему проклятого золота:

«Тогда чары проклятого драконьего золота пали даже на короля Дориата, и долго сидел он и смотрел на него, и семя любви к золоту, что было в его сердце, пробудилось и начало

расти» («Квента» IV тома, гл. 11) (5).

Итак, возвращаясь к мотивации Тингола призвать гномов, отмечу еще раз: упоминание **в этом месте** привязанности к Сильмарилу как причины этого действия – целиком «заслуга» редактора. Мы можем понять ее причины: поскольку ранее «на сцене было повешено ружье» (было упомянуто об этой привязанности), оно обязано рано или поздно выстрелить. С другой стороны, в толкиновских текстах здесь определено предполагался по крайней мере **еще один** определяющий мотив: «чары проклятого золота». Исключив их из сюжета, редактор был вынужден искать для героя другую мотивацию – и ею стала привязанность к Камню, оказавшаяся таким образом **единственной** мотивацией.

Причем, как мы увидим далее, не только в этом случае.

Отмечу специально: я не рассматриваю здесь во всех подробностях, как изменился сам сюжет гибели Тингола по сравнению с собственно толкиновскими текстами (6). Достаточно сказать, что он довольно сильно от них отличается; поэтому описывающие его эпизоды, вплоть до битвы Берена с гномами – практически целиком редакторский текст, в котором можно разглядеть отдельные знакомые элементы. (При этом общая схема сюжета сохраняется: Тингол дает работу гномам, затем ссорится с ними, затем гибнет от их рук – что и позволяет сравнивать данную версию с другими текстами). Я собираюсь снова сосредоточиться в основном на мотивах действий персонажей.

Итак, гномы (которые, по версии «Сильмариллиона», уже находятся в Менегроте, исполняя какие-то другие работы), видят Наугламир и получают «техническое задание» переделать его:

«Тогда увидели гномы творение своих предков и в изумленье воззрились на сияющий алмаз Феанора, и исполнились великой жаждой овладеть сокровищами и унести их в подгорные свои жилища».

Отметим, что здесь желания гномов направлены и на Сильмарил, и на Наугламир.

Далее гномы берутся за работу, и версия данной истории довольно быстро переходит к эпизоду, завершившемуся гибелью Тингола. Здесь мотивации персонажей упоминаются неоднократно.

Гномы отказываются отдавать Тинголу «готовое изделие», предъявляя свои права на него: *«По какому праву эльфийский король хочет взять себе Наугламир, сотворенный нашими предками для ныне мертвого Финрода Фелагунда?»*

(Интересно, что здесь редактор видоизменяет уже существовавший элемент сюжета: в «Утраченных сказаниях» гномы тоже считают, что сокровища принадлежат им – поскольку ранее они принадлежали Миму).

Но для нас гораздо интереснее в данном случае ответ Тингола и последовавшие действия: *«Тингол, однако, прозрел их души и понял, что, вождедя Сильмариль, они лишь ищут предлога и праведного покрова для истинных своих намерений...»*

Тингол обращается к ним с презрительной речью (7), требуя убраться без платы за труды. *«От речей короля вождеделение гномов обратилось в гнев»,* и гномы убивают его – *«Так погиб в подземельях Менегрота Эльвэ Синголло... и последний взгляд [его]... был устремлен на Сильмариль».*

Итак, в этой части сюжета (включая первый взгляд гномов на Сильмарил и Наугламир), их «вождеделение» упомянуто трижды, в первый раз оно обращено на оба предмета; прозрение Тингола касается именно желания получить Сильмарил; в третьем случае объект не конкретизирован. Еще один раз упомянуты, пожалуй, и чувства Тингола: скорее всего, акцент на «последнем взгляде на Сильмарил» не случаен. Для нас критично, что **все** эти упоминания

о привязанности к Камню и желанию его получить, в том числе **все, относящиеся к гномам** – целиком вклад редактора в данный сюжет. В толкиновских текстах здесь упоминаются «чары проклятого золота» и «проклятие Мима».

Интересно, что когда уцелевшие гномы возвращаются в Ногрод и планируют военный поход на Дориат, их мотивации уже не включают желания чем-либо завладеть: *«Велики были гнев и горе гномов Ногрода из-за смерти своих сородичей и искусных мастеров...»*.

В тех же «Утраченных сказаниях» в соответствующей части сюжета гномов направляют и желание мести за сородичей, и привязанность к золоту, исходно присущая им, и увеличенная чарами сокровища; здесь редактор убирает один из мотивов, оставляет второй (модифицируя конкретику в зависимости от изменения сюжета) и не добавляет ничего нового, как это было сделано выше – с желанием получить Сильмарил.

Хотелось бы отметить в сцене смерти Тингола еще один любопытный момент: король «прозревает в душах» гномов и видит их желание получить Сильмарил – которое вслух они маскируют другими намерениями. (Сам он, надо сказать, тоже не говорит им об увиденном в душах, а просто осыпает их оскорблениями).

В доступных нам текстах нет ни одной подобной сцены. Зато невольно напрашивается аналогия с более ранним моментом истории, где присутствуют другие герои, но все снова «завязано» на Сильмарилы. Это описанный в «Поздней Квенте» (ИС, т. X) эпизод, когда Мелькор приходит к воротам Форменоса и говорит с Феанором. Тот также усматривает под покровом его благожелательных речей жажду получить Сильмарил – и также прогоняет с ругательствами. Возможно ли, что этот эпизод (вошедший в «Сильмариллион») стал одним из «источников вдохновения» для редактора «Сильмариллиона»? Это невозможно утверждать наверняка. Но на вероятность такого предположения меня наводит еще одно совпадение: несколько позже говорится о последовавшем военном походе гномов.

«Но гномы победили, и чертоги Тингола были разорены и разграблены. Маблунг Сильнорукий пал пред дверями сокровищницы, где хранился Наугламир; и Сильмариль был взят».

Эта версия судьбы Маблунга является целиком вкладом редактора. О судьбе Маблунга говорят два одновременных текста, они определяют ее совершенно по-разному, и в обоих случаях – иначе: в «Утраченных сказаниях» он гибнет одновременно с Тинголом, вне Менегрота, на охоте; в достаточно позднем тексте «Эльфине и Дирхаваль» (ИС, т. XI, что-то вроде предисловия к «Нарн и Хин Хурин») он так или иначе выживает во время разорения Дориата, потому что затем живет в Гаванях Сириона. Описанная же ситуация вызывает в памяти еще один эпизод из «Поздней Квенты», где *перед дверями сокровищницы* Форменоса гибнет Финве, и Моргот, убивший его, захватывает Сильмарилы.

Однако гибель Маблунга относится уже к следующей части сюжета, которую хотелось бы рассмотреть отдельно. Пока подведу итоги рассмотрения части предыдущей, истории Тингола и гномов. Мы видели, как действие «чар проклятого золота» и «проклятия Мима», основные движители этой истории в ранних текстах, были полностью убраны. Взамен в нескольких случаях была добавлена страсть тех или иных персонажей к Сильмарилу: дважды у Тингола и трижды – у гномов (здесь страсть может быть обращена и на другие предметы одновременно с Камнем). Все эти упоминания привязанности к Сильмарилу не имеют основания в собственно толкиновских текстах по данному сюжету. Там, где страсть к проклятому золоту сочеталась с другим мотивом (с мезью за сородича – у гномов), был оставлен только один мотив. Возможно, дополнительным усилением «темы Сильмарила» являются эпизоды, вызывающие ассоциации с более ранней историей Камней в Валиноре, где основными мотивами были привязанность к ним Феанора и желание Мелькора захватить их.

Следующий эпизод сюжета охватывает историю, связанную с войском гномов и

Наугламиром уже после гибели Тингола – вплоть до того времени, когда украшение оказывается у Берена и Лютиен. Интересно, что хотя Сильмарил продолжает участвовать в действии, речь о чем-то желании завладеть им или о привязанности к нему более не идет. Какие же мотивы движут героями этой части сюжета?

Получается, что порой эти мотивы определить трудно. Далее в тексте следует довольно подробная сцена, посвященная Мелиан после смерти Тингола и заканчивающаяся ее уходом – тем единственным поступком, за который читатели склонны обычно упрекать майя Мелиан (зато довольно нередко). Собственно толкиновские тексты по крайней мере отвечают в большей своей части на вопрос, как, куда и зачем вслед за этим направляется Мелиан (в большинстве текстов она приходит затем к Берену и Лютиен, в «Утраченных сказаниях» – случайно, в помрачении рассудка, в последующих текстах – с теми или иными вестями или намерениями). Здесь же перед нами, повторюсь, довольно подробное описание, однако информации о текущей ситуации она дает довольно мало!

«Тяжко изменился Дориат. Мелиан долго сидела, безмолвная, у тела владыки Тингола, и мысль ее возвращалась в осенние звездами годы, к первой встрече их в былые дни...»

И далее следует краткое изложение истории и деяний Мелиан в качестве супруги Тингола и владычицы Дориата (точный источник этого текста мне найти затруднительно, но все обстоятельства узнаваемы). Однако, хотя этот подробный эпизод привлечет, скорее всего, внимание читателя, он не найдет здесь почти никаких объяснений ее действий, кроме предчувствия, «что рок Дориата близок к свершению», а непосредственно исчезновение Завесы объясняется еще более туманно: *«Теперь же Тингол был мертв, и дух его ушел в чертоги Мандоса; а с его смертью изменилась и Мелиан»*. (Вся эта конкретика снова принадлежит перу редактора).

Интересны и последние распоряжения, которые отдает Мелиан: *«Мелиан не сказала ни слова никому, кроме Маблунга, ему же велела беречь Сильмарил и послать спешно весть в Оссирианд, Берену и Лутиэн; а затем она исчезла из Средиземья...»*. Интересно, что здесь как будто воплощаются в «конспективном» виде разные версии ее действий из разновременных толкиновских текстов: в более ранних она сама идет к Берену и Лютиен с вестями о войске гномов, а в группе версий «Повести лет» сама же «заботится о Сильмариле» – т.е. относит его к Берену и Лютиен (речь идет о той версии, где войско гномов разбивают Келегорм и Куруфин) (8). Интересно, что в отношении Берена и Лютиен функции переносчика вестей тоже распадаются надвое: весть о войске гномов они узнают от эльфов Оссирианда, а о событиях в Дориате – от того самого вестника Мелиан.

Эпизод о разгроме войска гномов Береном и последующем пребывании Сильмарила на Тол Гален представляется мне наиболее явным (несмотря на то, что по составу он вновь по большей части – творчество редактора, но уже с использованием некоторой части конкретики из текстов (9)). К тому же этот эпизод принадлежит не только истории падения Дориата, но и истории Лэйтиан, и при отсутствии в тексте достаточных мотиваций у читателя есть богатая почва, чтобы предположить их. (Например, тем же «явочным порядком», без объяснения, почему, говорится о взятии Береном Наугламира: «Утраченные сказания» говорят нам, например, об особенной его красоте, увиденной Береном в тот момент, а затем о красоте Лютиен, носившей его – что также не подвигало Берена избавиться от сокровища. К тому же далее говорится о том, сколь прекрасна стала после этого земля Тол Гален (деталь вполне текстовая, из «Квенты» IV тома), что хотя и не объясняет действий Берена, но «оправдывает» такой ход событий в глазах читателя).

Здесь я хотела бы отметить иной любопытный момент: *«В той битве у Сарн Атрада Берен сражался в последний раз и своей рукой убил царя Ногрода и сорвал с него Ожерелье»*

Гномов, но тот, умирая, наложил проклятье на все добытые сокровища». Проклятие на золоте, казалось бы, изгнанное из сюжета редактором, неожиданно возникает здесь (по редакторской же воле)! Причем смысл проклятия именно в этом эпизоде для меня туманен: более оно не упоминается, да и проклятые сокровища (кроме Наугламира) были немедленно вслед за тем утоплены в реке – то ли во исполнение проклятия, то ли для того, чтобы избежать его (это также не получает объяснения). У меня возникает ощущение (которое вряд ли можно подтвердить наверняка), что редактор, решив исключить мотив «проклятого золота», все же не решился исключить его вовсе – но оставил при этом в том моменте сюжета, где оно уже не может оказать никакого влияния на ход событий!

Последний эпизод этой части истории, одновременно начинающий историю следующую, об окончательном разорении Дориата – возвращение Камня в Дориат, где его владельцем становится уже Диор. Это еще один подробный эпизод текста, написанный редактором. В свое время я уже обращала внимание на то, что из подробного описания прихода вестника, а также Диора, рассматривающего Сильмарил, и его мыслей при этом, основание в тексте имеет буквально одно предложение (о самом факте прихода вестника в некий осенний вечер; интересно, что если ранее вместо Мелиан на Тол Гален отправляется безымянный «вестник», то здесь вместо абстрактного «вестника» текстов почему-то приносит Камень «предводитель Зеленых Эльфов» – которые, как известно, после гибели Денетора не избирали себе правителя!). Теперь мне хотелось бы подробнее остановиться на некоторых деталях этой сцены.

«Был осенний вечер, и, когда стемнело, некто постучал во врата Менегрота, требуя, чтобы его провели к королю. Был то предводитель Зеленых Эльфов, прибывший из Оссирианда, и привратники привели его в палату, где сидел в одиночестве Диор; там он молча вручил королю шкатулку и удалился»

Итак, практически все эти детали снова принадлежат редактору – в том числе загадочное молчание вестника. Понятно, что для каких-то его слов у нас (и у редактора!) просто нет никакого источника: в «Утраченных сказаниях» Диор просто получает Камень «по наследству», прочие тексты слишком кратки. И тем не менее, таинственный молчаливый вестник создает своеобразный акцент на ситуации, читатель может задуматься о его мотивах... но в тексте снова нет никаких объяснений.

Далее Диор видит в шкатулке Сильмарил – и понимает, что его родители умерли.

«Долго смотрел Диор на Сильмариль, который его отец и мать в безнадежном походе добыли из-под жуткой власти Моргота; и тяжко скорбел он о том, что слишком рано пришла к ним смерть. Мудрые, однако, говорят, что Сильмариль ускорил их конец, ибо пламень красоты Лутиэн, носившей его, был слишком ярок для смертных земель».

В этом отрывке есть довольно много интересного. (Например, скорбь Диора о родителях предположить вполне естественно, но вот о том, что он считал их смерть *слишком ранней*, более нигде не упоминается). Но в особенности любопытна вторая часть – тем, что у нее есть вполне четкий текстовый прототип (из «Повести Лет», вариант С, текст относительно поздний, 1950х годов). Тем интереснее, чем отличаются две версии текста. В «Сильмариллионе» некие «мудрые» довольно определенно говорят, что Сильмарил укоротил жизнь его родителей Диора. «Повесть Лет» не дает такой уверенности:

«Но верили, что в тот год Лутиен и Берен умерли, поскольку о них более не слышали на земле: возможно, что Сильмарил ускорил их конец, ибо пламень красоты Лутиэн, носившей его, был слишком ярок для смертных земель».

То есть предположительным фактом оказывается не только влияние Сильмарила, но и сам факт смерти Берена и Лютиен! (А также исчезают таинственные «мудрые»). Это тем более интересно, что в тексте «Сильмариллиона» сразу после столь категоричного утверждения о

«смертоносном» эффекте Сильмарила, опять же без дальнейших обоснований, сказано:

«Затем Диор встал и застегнул на своей шее Наугламир; и теперь уже он казался прекраснейшим из детей мира, сын трех племен – аданов, эльдар и майар Благословенного Края».

Никаких обоснований мы снова не видим, зато этот поступок Диора, описанный столь подробно, своеобразно смотрится вместе с:

- утверждением, что Сильмарил наверняка укоротил жизнь Берена и Лютиен;
- утверждением, что именно с Наугламиром на шее Диор «казался прекраснейшим».

Соседство фактов так и норовит навести на мысль, что Диор проигнорировал опасность и очень уж хотел выглядеть краше, чем есть (хотя ни то, ни другое в тексте прямо не сказано!) Но первое утверждение, как мы видели, «докручено» из менее определенного. А что можно сказать о втором?

У него тоже есть текстологический источник, «Квента» IV тома... Только никакой связи красоты Диора с Сильмарилом там нет! Если о том, что Лютиен, носившая Наугламир, «была прекрасней и величественней всех, кто когда-либо обитал вне пределов Валинора», действительно говорится (хотя мы знаем, что Лютиен и до того была прекрасна) – и несколько ранее в «Сильмариллионе», и в той же «Квенте», то здесь в исходном тексте речь просто идет о Диоре «как он есть»:

«Тогда Диор, наследник Тингола, дитя Берена и Лутуиен, был королем в лесах – самый прекрасный из детей мира, ибо был он сыном трех племен: прекраснейших и лучших Людей, а также Эльфов и божественных духов Валинора, – но это не защитило его от судьбы и клятвы сыновей Феанора...»

После этого говорится о возвращении Диора в Дориат, об уходе Мелиан, и только затем – о последующих событиях, связанных с Сильмарилом! Таким образом, здесь красота Диора увязана только с его «генетикой».

Непосредственно за фразой о надетом Наугламире начинается последующая история окончательного разорения, изложенная кратко, и в целом – на основании существующих текстов. Но мне хотелось бы остановиться здесь и подытожить вначале общее впечатление от эпизода с Диором.

Здесь, как и в случае с Мелиан, мы видим один из поворотных моментов сюжета, описанный со множеством подробностей, но почти без объяснений. При этом именно подробность сюжета привлекает внимание читателя к ситуации – поэтому объяснение, скорее всего, будет добыто, но уже не из текста, а из собственной головы читателя. «Топливом» для него могут послужить указанные факты (так, как они представлены в этом тексте!): «смертоносное» действие Сильмарила – и при этом то, что Диор его, во-первых, все равно надевает, во-вторых, становится при этом красивее! Из этого можно уже сделать выводы о каких-то не очень здравых мотивах... А если вспомнить обладателя других *нездоровых мотивов*, – Тингола и его привязанность к Камню (опять же, в этом тексте упомянутую *неоднократно!*) – то далее уже один шаг до того, чтобы признать наличие этой привязанности за Диором... Одна проблема: в тексте-то ничего подобного не сказано! Мало того, даже при внесении редакторских изменений вряд ли предполагался именно такой концепт и наиболее вероятный ход мысли читателя. Но получилось именно так.

Подведем итоги нашего рассмотрения. Помимо наличия в тексте довольно большого количества подробных эпизодов, обращают не себя внимание следующие особенности текста:

- практически полное исключение редактором действия «чар проклятого золота» как движущей силы сюжета. Любопытным является

и то, что редактор не убрал этот мотив вовсе, но ввел его в такой момент сюжета, когда он уже ни на что не мог повлиять;

- новые мотивации героев не добавлялись, но была существенно усилена и расширена роль мотива «жажда получить/удержать Сильмарил» – у Тингола, а также его действие было распространено и на гномов;

- при этом многие эпизоды, во-первых, подробно описанные, во-вторых, ключевые для развития сюжета, оставлены практически без объяснений, *почему* тот или иной персонаж поступает именно так. В подробностях может быть описан сам поступок, но не его конкретные причины.

Последствия этого могут быть различны. Так, действия Хурина в Нарготронде разъясняются позже, его действиями по приходе в Дориат. «Нетипичное» или нелогичное поведение тех или иных персонажей в ряде случаев все же находится несколько в стороне от магистральной линии сюжета и, даже без объяснения, может не привлечь достаточного внимания (Мим, предлагающий сокровища в обмен на жизнь; Тингол, неожиданно терпимый к Хурину; Хурин, возможно, утопившийся в море). Действия Берена (даже ежели счесть обоснования собственно в тексте недостаточными) может дополнительно пояснить весь прочий контекст событий Лэйтиан, вполне известный читателю «Сильмариллиона». Но ключевые моменты сюжета без объяснений остаться вряд ли могут. Если они не даны в тексте напрямую, то они, скорее всего, будут выведены читателем самостоятельно, в том числе опираясь на иные указания этого текста.

К таким «необъяснимым» сценам, на мой взгляд, относятся уход Мелиан из Дориата и принятие Диором Сильмарила. Интересно, что оба эти поступка в фэндомских обсуждениях нередко навлекают на героев обвинения в безответственности, – т.е. в отсутствии достаточных мотиваций и целей поступков – которые и не обозначены в текстах, при общей подробности описаний соответствующих моментов! И если с Мелиан все обычно на безответственности и заканчивается и это отдельное пятно в целом не портит остальную репутацию майа, то с Диором ситуация сложнее. И на мой взгляд, отсутствие объяснений относительно действий с Сильмарилом почти с неизбежностью привлекает внимание читателя к первой части данной истории, где большинство действий с Камнем объяснено однообразно – нездоровой привязанностью к нему. И соблазн применить это объяснение к Диору (при отсутствии его в тексте!) только увеличивается упоминаниями о смертоносности Сильмарила, и при этом – красоте, которую он придает...

Не уверена, что редактор «Сильмариллиона» преследует эту цель. Скорее, его усилия объяснялись другими различными причинами (неприятие идеи «жажда проклятого золота»; желание подробно и красочно представить столь важный сюжет, и при этом – отсутствие подходящих или вовсе каких-либо объяснений для многих моментов...) Однако полученный – и не первый год получающийся в дискуссиях фэндома – результат, на мой взгляд, отчасти вызван и редакторской работой. В первую очередь – сочетанием отсутствия прочих мотивов действующих лиц в тексте, усилением линии привязанности к Сильмарилу в одних случаях и отсутствием объяснений – в других. А поскольку «природа не терпит пустоты», то она заполняется в основном тем единственным мотивом, который возможно найти в тексте.

Примечания

(1) «Сам Маблунг пошел посередине, к мосту, и, выйдя к нему, увидел, что мост совершенно разрушен; меж обвалившихся камней редела и пенилась глубокая и бурная река, разбухшая от дождей на севере. (...) И вот, когда Маблунг пробирался среди скал, ища, как бы перейти реку по камням, оставшимся от моста, Глаурунг выполз наружу, полыхнув пламенем, и спустился в реку. (...) Маблунг переправился через Нарог с великой опасностью...» (Перевод

А. Хромовой).

(2) Хурин забирает в версии Сильмариллиона из Нарготронда не некое большое количество сокровищ, а один Наугламир; он уже изготовлен гномами ранее и будет только переделан; в реке после битвы с гномами утоплены сокровища не из Нарготронда, а из Дориата – и т.д. Подробнее – см. мой доклад «Почему Наугламир не был украшен змеями...» (...)

(3) Отдельный вопрос в том, хорошо ли сочетается избавление Хурина от иллюзий Моргота (редакторский элемент) с упоминанием о возможном утоплении в море (элемент, взятый из «Квенты» 4 тома).

(4) В этой же версии Мелиан советует Тинголу отдать Сильмарил. Интересно, что эта версия, похоже, не осталась единственной. В «Серых Анналах», достаточно подробно описывается этот период, однако ни письмо, ни реакция Мелиан и Тингола (ни его привязанность к Камню, кстати!) не упомянуты. Судя по более ранним эпизодам и дальнейшим событиям (зафиксированным только в «Повести Лет» – кратких заметках к ненаписанному продолжению «Анналов»), смена отношения Мелиан не случайна – как соответственно, и отсутствие самого эпизода. См. мои доклады «Куда уходит Мелиан» и «Фигура в тени?» («Палантир», №)

(5) Тексты «Повести Лет» (см. ИС 11) написаны позднее, но они очень кратки, Падение Дориата здесь описывается одним – двумя предложениями, и не упоминается вообще ни о каких мотивациях героев.

(6) Частично эта задача выполнена в другом докладе – «Почему Наугламир не был украшен змеями...» («Палантир», №53)

(7) Как уж говорилось, для нее редактор частично использовал презрительную речь Тингола к Хурину из «Утраченных сказаний».

(8) Версия эта не стала окончательной: в письме, написанном позже, Толкиен рассказывает об Энтах, которые помогли Берену справиться с войском гномов. К сожалению, действия Мелиан в этой версии так и не были прописаны. Возможно, они могли бы согласовываться, например, с версией заметки, где она находится в Дориате вплоть до прихода Диора. (О чем снова см. мой доклад «Куда уходит Мелиан?»).

(9) Здесь была использована уже упомянутая версия об участии Энтов, при этом вместе с Береном в битве также участвуют эльфы Оссирианда, хотя соответствующее письмо говорит, что «у Берена не было армии». Возможно, редактор не смог предположить схему боя без участия какой-либо военной силы; возможно, это указание говорит об отсутствии у него *постоянного* войска, что не исключает помощи окрестных эльфов – краткость текста письма не позволяет сказать определенно.

Турон,
Веномни
топи Серах